

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Игра
с неверным
мужем

ЭКСМО

Наталья Николаевна Александрова
Игра с неверным мужем
Серия «Частный сыщик
Василий Куликов»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3935385

Игра с неверным мужем : роман / Наталья Александрова: Эксмо;

Москва; 2011

ISBN 978-5-699-49333-3

Аннотация

Никак не везло частному детективу Василию Куликову на интересные дела – сплошная слежка за неверными мужьями и женами! Выполняя одно из таких поручений, он взобрался на балкон и... рухнул оттуда самым позорным образом! А в больнице Куликов неожиданно нашел нового клиента – у его соседа по палате пропала дочь Надя. Почти двадцать лет Егор Иванович хранил тайну ее рождения, выдавая Надю за родную. На самом же деле он подобрал ребенка в лесу, где бандиты у него на глазах убили мать девочки. Но тайное всегда становится явным, и, похоже, пришло время раскрыть старые секреты. Если Куликов и его верная помощница Василиса узнают, что случилось той давней зимней ночью, то поймут, куда подевалась Надя!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

87

Наталья Александрова

Игра с неверным мужем

Василий Макарович протер глаза и уставился на дверь салона красоты.

«Ну что можно там делать так долго? – подумал он в тоске. – Четвертый час торчу здесь, как пугало на огороде...»

И в этот самый миг дверь салона открылась, и на пороге появилась блондинка в розовой курточке и узких джинсах со стразами, прижимающая к груди крошечного песика породы йоркширский терьер.

Василий Макарович достал из бардачка фотографию, которую передал ему клиент, внимательно взглянул на нее и снова перевел глаза на даму с собачкой.

Определенно, сходство было. Такие же круглые голубые глаза, отдаленно напоминающие перламутровые пуговицы, такие же удивленно поднятые брови, такие же пухлые малиновые губы. Правда, не совпадала стрижка и оттенок волос, но ведь она столько времени провела в салоне, что могла измениться до неузнаваемости! А самое главное – у нее был точно такой же, как на фотографии, песик.

– Она! – пробормотал Василий Макарович и повернул ключ в зажигании.

Началась эта история несколько часов назад, когда в кабинет частного детектива Куликова вошел взволнованный

мужчина...

Хотя, пожалуй, начать нужно с некоторых пояснений.

Этот кабинет до недавнего времени был обыкновенной жилой комнатой в обыкновенной двухкомнатной квартире на Васильевском острове. А сам Василий Макарович Куликов трудился в районном отделении милиции, как говорят, «на земле», внося свой скромный вклад в снижение преступности, и даже не помышлял об увлекательной и трудной карьере частного детектива. Но внезапно (хотя, конечно, вполне ожидаемо) случилось неизбежное: Василий Макарович вышел на пенсию.

Друзья и коллеги проводили его на заслуженный отдых, напутствовали теплыми словами и лучшими пожеланиями. Начальник отделения произнес речь, в которой отметил большие заслуги майора Куликова перед родным отделением и перед отечественной милицией, и сказал, как всем будет его не хватать.

В дополнение к теплым словам Василию Макаровичу подарили хороший плазменный телевизор, кроме того, по случаю его ухода на пенсию устроили небольшое застолье.

Но все когда-нибудь заканчивается. Закончилась торжественная часть, закончился банкет, и Василий Макарович остался один на один с заслуженным отдыхом.

Первые дни он наслаждался этим отдыхом, наслаждался неожиданно свалившимся на него покоем и свободой. Ему не нужно было подниматься ни свет ни заря, не нужно было

спешить на работу, не нужно было проводить долгие часы в засадах, не нужно было допрашивать преступников и свидетелей, не нужно было писать бесконечные отчеты...

Но уже через неделю он почувствовал, что как раз всего этого ему и не хватает. Жизнь его без погонь и засад, без приключений и событий стала пустой и бессмысленной.

Василий Макарович включил подаренный сослуживцами телевизор, пощелкал пультом, переключая программы... По одной программе участники ток-шоу фальшивыми голосами обсуждали какой-то вопрос, не стоящий выеденного яйца; по другой толстая женщина с лицом карманной воровки рассказывала, как за три дня похудеть на пятьдесят килограммов, ни в чем себе при этом не отказывая, по третьей показывали милицейский детектив, в котором все, от сюжета до действующих лиц, показалось Василию Макаровичу каким-то ненастоящим.

Василий Макарович вздохнул и выключил телевизор. Он никогда не любил проводить время перед экраном и не собирался приучаться к этому на старости лет.

Конечно, оставалось еще хобби.

Хобби у Куликова было чрезвычайно увлекательное: он собирал модели военной техники – танков, бронетранспортеров, самоходных установок. Но раньше он делал это для разрядки, исключительно в свободное от работы время, теперь же все его время стало свободным, и интерес к хобби сразу же резко упал.

В общем, он промучился так две-три недели, и неожиданно в его голову пришла идея открыть частное детективное агентство, чтобы занять свое свободное время и немного подработать к пенсии.

Вы спросите, почему именно детективное агентство?

Потому, что только в работе частного детектива Василий Макарович мог применить свой огромный опыт в решении криминальных загадок.

Агентство у него было совсем маленькое. В нем было всего два сотрудника – сам Василий Макарович и девушка с редким именем Василиса, с которой Василия Макаровича случайно столкнула судьба. Некоторое время назад он помог ей выпутаться из сложного и опасного положения¹, в результате чего они стали друзьями, а затем и сотрудниками.

Василий Макарович исполнял обязанности генерального директора детективного агентства, его мозгового центра и оперативного сотрудника. Василиса формально считалась бухгалтером и офис-менеджером, хотя на деле ей приходилось решать значительно более сложные и разнообразные задачи.

Еще был Бонни, но об этом позднее.

Итак, организовав свое агентство, Василий Макарович переоборудовал одну из двух своих комнат в кабинет, дал объявления в несколько рекламных газет и стал ждать клиентов.

Клиенты со временем появились, но они вызывали в душе

---

¹ См. роман Н. Александровой «Кодекс поведения блондинки».

у Василия Макаровича горечь и разочарование.

Вместо того чтобы расследовать загадочные убийства или, на худой конец, головоломные кражи и мошенничества, ему в основном приходилось разыскивать пропавших собачек или выслеживать неверных мужей и жен, чтобы предоставить своим ревнивым заказчикам неопровержимые доказательства измены.

И тот заказчик, который пришел к нему в кабинет за несколько часов до описываемых событий, был из такого же разряда.

Это был высокий, узкоплечий мужчина с круглой лысиной и крупным носом с горбинкой, в светло-сером пиджаке и черной водолазке. Вытирая лысину клетчатым платком, он поведал Василию Макаровичу грустную историю своей семейной жизни.

Звали клиента Валерием Купидоновым. Он был менеджером в крупной торговой компании, зарабатывал неплохо, но проводил на работе очень много времени. Соответственно, уделяя мало времени своей жене. И вот в последние месяцы он почувствовал, что его жена очень изменилась, стала непривычно оживленной...

– Я уверен, что она ведет со мной нечестную игру! – восклицал Валерий, театрально заламывая руки.

– Игру? – переспросил Куликов. – Какую игру?

– Ну, вы меня понимаете... – замялся клиент.

– Вы имеете в виду другого мужчину? – на всякий случай

уточнил Василий Макарович.

– Ну, зачем же так прямо... – вспыхнул Валерий и добавил, понизив голос: – Ну да, у нее есть другой... Я в этом не сомневаюсь... совершенно не сомневаюсь...

– Если вы не сомневаетесь – тогда зачем же вам я? – задал Василий Макарович клиенту резонный вопрос.

– Чтобы окончательно удостовериться! Одно дело – не сомневаться, и совсем другое – знать наверняка!..

Ситуация была совершенно обычная. Василий Макарович заключил типовой договор, взял с клиента скромный аванс. Валерий вручил ему фотографию жены (ту самую, с собачкой) и сообщил, что именно сейчас Лариса находится в салоне красоты «Шарман» на Третьей линии Васильевского острова.

Василий Макарович вскочил, но на этот раз клиент успокоил его:

– Можете не спешить, она там пробудет еще очень долго! Это оказалось правдой: Куликов прождал возле дверей салона без малого четыре часа, пока оттуда наконец вышла дама с собачкой.

Спустив песика на тротуар, блондинка неспешно пошла по улице.

Василий Макарович медленно поехал следом, стараясь не попадаться ей на глаза. Вскоре Лариса свернула за угол и остановилась около шестизэтажного дома дореволюционной постройки. Она снова подхватила йорка на руки, огляделась

по сторонам и открыла дверь подъезда ключом-таблеткой.

Адрес был не тот, по которому проживали супруги Купидоновы, и Василий Макарович уверился, что ревнивый клиент был прав: его жена ходит налево и сейчас, несомненно, направляется к любовнику. Или же в квартиру, снятую специально для таких интимных встреч.

Прошло две минуты, в окне на третьем этаже раздернули шторы, и в этом окне мелькнул силуэт неверной блондинки.

Василий Макарович точно установил местонахождение любовного гнездышка, теперь ему оставалось только получить документальные подтверждения измены, а именно фотографии Ларисы Купидоновой в компрометирующей обстановке. Но как раз это представляло большую техническую сложность.

У Куликова имелся профессиональный фотоаппарат со сменными объективами, но чтобы сделать хорошие компрометирующие снимки, фотоаппарата недостаточно. Нужно еще близко подобраться к объекту или найти место, откуда он хорошо виден.

Василий Макарович вышел из машины и огляделся.

На этот раз ему очень повезло: фасад дома красили двое маляров. В данный момент они перекусывали, сидя на тротуаре, а монтажная люлька стояла рядом без дела.

Куликов подошел к малярам.

– Мужики, можно вашей люлькой попользоваться? – спросил он их с подкупающей прямоотой.

– Чего? – удивленно уставился на него тот, что постарше. – Нельзя!

– А за деньги? – продолжил Василий Макарович переговоры.

– Нельзя! – отрезал тот же маляр.

– Сколько? – спросил второй, помоложе и более практичный.

– Пятьсот, – предложил Василий Макарович, прикинув, что включит эту сумму в счет как накладные расходы.

– Нет! – хором отрезали маляры. – Это несерьезно!

– А какая будет ваша цена?

– Семьсот! – поспешно выпалил старший.

– Пять тысяч! – перебил его младший. – Или проваливай!

– Возьми себя в руки! – возмутился Куликов. – Скромнее надо быть! Бери пример со старшего товарища...

– А вообще, дядя, зачем это тебе люлька понадобилась? – поинтересовался предприимчивый маляр.

– Ключи забыл, – ответил Василий Макарович. – Домой не могу попасть.

– Твои проблемы! – Маляр пожал плечами. – Я цену назвал, не устраивает – проваливай...

– Полторы! – предложил детектив. Он считал своим профессиональным долгом экономить деньги клиента.

– Ладно, две!

На этом стороны пришли к согласию, которое, как известно, есть продукт взаимного непротивления сторон.

Василий Макарович забрался в люльку, маляр нажал на кнопку, и люлька с частным детективом на борту плавно поползла вверх вдоль стены дома.

Когда она поравнялась с окнами третьего этажа, детектив подал сигнал остановиться.

Из самой люльки окна просматривались не очень хорошо, но рядом был балкон, щедро украшенный пышной дореволюционной лепниной. Василий Макарович опасливо взглянул вниз. Тротуар был очень далеко, но аванс нужно отрабатывать, и детектив с риском для жизни и здоровья перебрался на балкон.

Это был балкон той самой квартиры, в которую вошла дама с собачкой.

Правда, окно этой комнаты изнутри было задернуто шторами, но между шторами имелся небольшой просвет, к которому и припал Василий Макарович, чтобы разглядеть и задокументировать все, что будет происходить в подозрительной квартире.

Александр Минуткин спешил домой. Дело в том, что в этот день у его жены Анюты был день рождения.

Александр любил жену.

Жена была третья, они были женаты всего полтора года, а Минуткин все три раза женился по любви и каждую свою жену преданно любил, по крайней мере, три года. Так что сейчас его любовь к Анюте была на самом пике.

Александр купил жене подарок – новый продвинутый смартфон в дизайнерском корпусе со стразами Сваровски, по дороге прихватил букет роз и влетел в подъезд на крыльях любви.

И у самого лифта нос к носу столкнулся с соседкой Брониславой Васильевной.

Бронислава Васильевна была женщина прилично за шестьдесят, и она обладала активной жизненной позицией.

Проще говоря, любила совать нос в чужие дела.

Ее интересовало, к примеру, почему у Семена Ильича с четвертого этажа гостит троюродная племянница, причем именно в то время, когда жена уехала в санаторий; ее интересовало, откуда у скромной медсестры Лиды из седьмой квартиры шубка из стриженной норки и бриллиантовые сережки; ее интересовало, почему тихий и непьющий Антон Иванович регулярно выносит на помойку целые сумки пустых бутылок.

Увидев Минуткина, Бронислава сделала стойку, как охотничья собака, и проговорила своим глубоким простуженным контральто:

– Торопитесь, Александр? Правильно торопитесь... очень правильно...

Минуткин Брониславу не любил. Он попытался обойти ее и прорваться к лифту, но в последний момент соседка проговорила в его спину:

– Правильно торопитесь, а то ведь он уйдет!..

Против своей воли Минуткин затормозил, повернулся и спросил:

– Кто уйдет?

– Ну, я не знаю, кем он приходится Анечке... может быть, родственник или сослуживец...

– Это вы о ком? – проговорил Александр, внутренне перекосившись от неприязни.

– Ну, о том мужчине, который стоит у вас на балконе... если вы хотите точнее узнать, кто он такой, поторопитесь...

Лицо Минуткина начало наливаться краской, как спелый помидор под лучами августовского солнца. Бронислава Васильевна поджала губы и добавила:

– Впрочем, меня это нисколько не касается, я не имею привычки лезть в чужие дела...

– Что?! – воскликнул Минуткин, побагровев. – Да что ты несешь, старая карга?

– Вот она, человеческая благодарность! – воскликнула соседка и быстренько выскользнула из подъезда.

Выйдя из подъезда, она не пошла в магазин, куда собиралась, а заняла удобный наблюдательный пункт в сквере напротив дома, откуда хорошо просматривались окна и в особенности балконы. Бронислава Васильевна очень рассчитывала на увлекательное зрелище.

Минуткин же резко развернулся и, не дожидаясь лифта, взлетел на третий этаж. Букет он держал перед собой, выставив его вперед, как колющее оружие.

Подбежав к своей двери, Александр трясущейся рукой вставил ключ в замочную скважину, но не успел его повернуть, как дверь распахнулась и на пороге возникла Аня.

Аня Минуткина ждала мужа.

Она знала, что в этот день Александр непременно вернется домой пораньше, и обязательно с ценными подарками. И сама хотела сделать ему небольшой, но приятный сюрприз. Поэтому она заранее посетила салон красоты и встретила мужа на пороге квартиры во всем блеске своей дорогостоящей красоты и в коротеньком сексуальном халатике, надетом прямо на голое тело.

Дверь распахнулась, и первое, что увидела Аня, был огромный букет пунцовых роз. Она всплеснула руками и воскликнула:

– Какая прелесть! Я знала, что мой хомячок не забудет поздравить свою морскую свинку! Но морская свинка тоже не останется в долгу и порадует хомячка...

И с этими словами Аня распахнула халатик, предъявив мужу свой маленький сюрприз.

Она не сомневалась, что произведет на Александра сильнейшее впечатление, и их с мужем ожидает бурный, романтический, незабываемый вечер.

И только после этого она увидела выдвинувшееся из-за букета лицо Александра, пунцовое, как розы, и перекошенное от переполняющих его эмоций.

– Где он?! – взревел Минуткин, ворвавшись в квартиру,

как цунами врывается на беззаботный солнечный индийский или дальневосточный курорт.

При этом милый сюрприз жены не произвел на него никакого впечатления. Напротив, он привел его в еще большую ярость.

Дело в том, что пока Александр Минуткин взбегал по лестнице, в его душе стремительно сменяли друг друга совершенно противоположные мысли и чувства.

Между первым и вторым этажом его душу раздирала дикая, первобытная ревность. Он не мог ни о чем думать и только живо представлял, как собственными руками задушит изменницу-жену вместе с ее любовником.

Далее в его сердце закрались сомнения, и на середине следующего лестничного марша ревнивый Александр предположил, что мерзкая соседка все выдумала, и никакого мужчины на балконе нет. Правда, тут же эту мысль сменила другая – что Бронислава не посмела бы придумать такое безобразие на пустом месте и что, возможно, всему есть вполне невинное объяснение, скажем, в квартире Минуткиных работает сантехник или электрик.

Однако, когда он увидел жену в ее самом сексуальном наряде, Александр вновь пришел в бешенство.

При сантехнике Анна не посмела бы так вырядиться! Значит, оправдываются самые жуткие его предположения: Анна принимает любовника!

– Где он?! – проревел Александр и встряхнул жену, как

тряпичную куклу.

— Кто? — испуганно переспросила Аня, покачнувшись и в ужасе уставившись на мужа. — Хомячок... что с тобой? Ты что — не узнаешь свою морскую свинку?

Губы ее при этом жалобно задрожали, и в уголке глаза выступила сверкающая слезинка.

— Какая ты морская свинка?! — орал муж. — Ты самая настоящая свинья! Ты шлюха! Ты непотребная женщина! Я спешу домой, лечу на крыльях любви, а ты...

— Да что случилось? — безуспешно звала Аня, пытаюсь вырваться из рук обезумевшего мужа.

— Где он?! — повторил Александр, отбросил жену и помчался в спальню. Там он никого не нашел, однако на всякий случай заглянул в платяной шкаф и под кровать.

В шкафу, разумеется, никого не было, только висели Анятины платья и костюмы, а под кроватью обнаружился любимый песик Аняты, йоркширский терьер по кличке Доминик. При виде озверевшего хозяина Доминик тоже пришел в возбуждение, выскочил из-под кровати и принялся носиться вокруг, громко тявкая и пытаясь внести свою лепту в царящий в квартире переполох.

— Где он?! — снова воскликнул Минуткин и распахнул дверь ванной комнаты. Там тоже никого не оказалось.

— Ты наконец объяснишь мне, кого ты ищешь? — воскликнула Аня, от страха постепенно переходя к возмущению.

— Ты прекрасно знаешь кого! — выкрикнул Александр и

влетел на кухню.

– Понятия не имею! – отрезала Анюта с тем большей уверенностью, что совесть у нее была на этот раз чиста.

Минуткин оглядел кухню, на всякий случай открыл все шкафчики и даже зачем-то заглянул в помойное ведро.

Как нетрудно догадаться, там он тоже никого не нашел.

И тут он вспомнил, что мерзкая Бронислава сказала – мужчина стоит на балконе!

Александр вернулся в спальню, отдернул занавеску и уставился на балкон...

Там и правда стоял незнакомый мужик.

Правда, был он какой-то странный, совершенно не подходящий на роль Анютиного любовника: пожилой, плохо одетый и весь какой-то потертый и невзрачный.

Тем не менее факт был налицо.

Этот пожилой хмырь находился в его квартире наедине с Аней, с его обожаемой Аней, причем Аня была в самом сексуальном виде, в каком и перед ним, ее законным мужем, представала нечасто... черт ее знает, может, у нее появились такие странные сексуальные пристрастия! Женское сердце – загадка, над разгадкой которой лучшие умы человечества безуспешно бьются тысячи лет...

– Вот он! – взревел Александр Минуткин и, распахнув балконную дверь, бросился на неказистого незнакомца...

Прораб ремонтно-строительной фирмы Анатолий Паль-

чиков приехал на один из объектов, чтобы проверить, как продвигается работа по окраске фасада.

Как он и боялся, работа стояла. Двое маляров, которые должны были красить фасад, сидели на пустых ящиках и с самым безмятежным видом пили пиво из жестяных банок, закусывая его кукурузными чипсами. Монтажная люлька, в которой эти двое должны были находиться, висела без дела возле балкона на уровне третьего этажа.

Пальчиков почувствовал горькую обиду.

Вот так всегда – стоит хоть кого-то из рабочих оставить без присмотра, как работа останавливается! Как говорится, кот из дому – мыши в пляс! Но ведь он не может разорваться! Объектов у него много, целых шестнадцать, а он один...

– Эт-то что такое? – грозно спросил Пальчиков, уставившись на работяг. – Почему простаиваем? Почему пиво пьем вместо трудового процесса?

– Уже и пообедать нельзя! – обиженно забубнил старший маляр. – Такого нету закона, чтобы без всякого перерыва с утра до вечера вкалывать! Нам перерыв на обед непременно положен! Верно, Серега? – Он повернулся к своему младшему напарнику. Тот всем своим видом выразил согласие и поддержку.

– Да у вас весь день только одни перерывы и перекуры! – оборвал его прораб.

– А ты посмотри на его руки! – повысил голос маляр. – Серега, покажи ему свои руки!

Напарник охотно продемонстрировал свои ладони. Прораб не увидел ничего особенного.

– Ты видишь его руки? – воскликнул маляр. – Это же одна сплошная мозоль!

– Хватит болтать! – рявкнул прораб. – Живо за работу, а то я вам сегодняшний день поставлю как прогул! И почему люлька в поднятом состоянии? Когда она простаивает, она по технике безопасности должна находиться внизу! Оборвется, упадет на кого-нибудь, а кому отвечать? Пальчикову отвечать!

– Да уж не нам, – ухмыльнулся маляр. – Мы люди маленькие...

Он воровато взглянул на люльку. В ней, к счастью, никого не было. Тот странный мужик, который заплатил им две тысячи, перебрался на балкон. Ну и ладно, им до него нету дела...

Маляр нажал на кнопку, и люлька поехала вниз.

Балконная дверь распахнулась, и Василий Макарович увидел красного от ярости мужика с растрепанным букетом в руке. За спиной мужика жались перепуганная дамочка в неприличном халатике – та самая дама с собачкой, которую Куликов вел от салона красоты. И ее собачка была тут как тут – она металась под ногами и пыталась кого-нибудь укусить.

– Здравствуйте... – проговорил Василий Макарович, попятившись. Впрочем, балкон был тесный, отступить было некуда.

– Вот он! – проревел красномордый мужик и кинулся на Куликова с самыми кровожадными намерениями.

Судя по всему, это был тот самый любовник, которого Василий Макарович должен был выследить. Только вел он себя слишком нагло и уверенно для любовника. Заказчик хотел получить его фотографии, чтобы окончательно увериться в измене своей жены, но сейчас был явно не самый подходящий момент для фотосессии...

– Постой, мужик! – вскрикнул Куликов, пытаясь заслониться. – погоди, я все объясню...

– Мне ничего не надо объяснять! – ревел тот. – Я и так все понимаю! Я не понимаю только одного – что Анята в тебе нашла?

– Меня нанял ее муж... – лепетал Василий Макарович, отбиваясь фотоаппаратом.

Тут до него наконец дошли слова красномордого, и он удивленно воскликнул:

– Анята? Почему Анята? Кто такая Анята? Меня нанял муж этой женщины...

Куликов хотел сказать, что его нанял муж Ларисы Купицкиной, но два темпераментных персонажа помешали ему закончить фразу.

Первым был Александр Минуткин.

– Что?! – проревел он, перебив детектива. – Какой муж? Я – ее муж! Анна, что все это значит? Кто этот человек?

– Понятия не имею! – всхлипывала Анята, безуспешно

пытаясь запахнуть халатик. – Первый раз его вижу! Неужели ты мог подумать, что у меня могло быть что-то общее с ним... с таким...

Вторым же был йоркширский терьер Доминик, который в это самое мгновение выскочил на балкон. Песик наконец увидел постороннего человека и понял, что именно он виновен в переполохе, что именно он угрожает покою и благополучию любимых хозяев. Как всякий уважающий себя пес, он считал, что должен защитить их всеми доступными средствами, пусть даже ценой своей жизни. Подскочив к Куликову, он вцепился тому в ногу своими маленькими, но удивительно острыми зубами.

Это было очень больно, и боль от укуса словно яркой вспышкой озарила происходящее.

Василий Макарович понял, что допустил недостойный профессионала прокол, что следил совершенно не за той женщиной, что красный от ярости мужчина – это действительно ее муж, и у него есть законное право расправиться с незадачливым детективом...

Оставалось одно – бежать, бежать от позора, бежать от неминуемой расправы!

Василий Макарович, не сводя глаз с разъяренного Александра, перебрался через балконное ограждение и только в последний момент понял, что люльки нет на прежнем месте...

Делать что-то было поздно.

Несчастный детектив еще несколько секунд цеплялся за балконные перила, беспомощно болтая ногами в воздухе, но тут к нему снова подскочил Доминик и укусил его за палец.

Руки разжались, и частный детектив Куликов с жутким криком полетел вниз...

На его счастье, прямо под балконом оказался козырек крыльца, на который и свалился Василий Макарович. Благодаря этому козырьку он остался жив, отделавшись несколькими переломами, а также многочисленными ушибами.

– Ох, уж эти мужчины! – приговаривала я, перебирая вещи. – Ну сколько же с ними хлопот! Глядеть за ними надо как за детьми! Ребенок хоть слушается изредка, а эти... Ну зачем, скажите на милость, он полез на балкон? Зачем доверился этим гадам, которые уперли у него люльку в самый нужный момент? Сам же говорил, что в нашем деле никому нельзя доверять, только напарнику! Ну и взял бы меня в напарники, уж я бы его не подвела! Но нет, он считает, что я гожусь только для того, чтобы варить ему борщи и перебирать бумажки! Оперативник, видите ли, из меня никакой! А кто, интересно, вытаскивает его из разных передраг? Кто попадает в такие места, куда ему вход закрыт? Кто устраивается работать то горничной, то уборщицей, то официанткой, то продавщицей?

Только не подумайте, что я повредила умом и разговариваю сама с собой. Нет, собеседник у меня есть – вот эта

туша песочного цвета с лобастой головой и пастью размером с дорожный саквояж моей бабушки, что развалилась сейчас посреди комнаты.

Бордоский дог Бонифаций, уменьшительно – Бонни. Бонни – свет моих очей, моя надежда и опора, Бонни – хулиганский и капризный, Бонни – верный и преданный, Бонни – смелый и грозный. Я люблю свою собаку и могу повторять это много раз. Бонни со своей стороны меня обожает, но совершенно не слушается. Он считает, что я – легкомысленная, доверчивая и вообще небольшого ума особа, за которой нужно присматривать. И ни в коем случае никуда не отпускать одну. Поэтому Бонни всегда очень сердится, когда я оставляю его одного в квартире, он считает, что мы всюду должны ходить вместе. А когда Бонни сердится – это, доложу я вам, зрелище не для слабонервных.

Во-первых, он воет. И вой этот напоминает нечто среднее между воем дисковой пилы и пожарной сирены. Что там собака Баскервилей, Бонни даст сто очков вперед поезду, несущемуся с курьерской скоростью, перед которым застрял автомобиль с незадачливыми гангстерами, как часто показывают в американских фильмах.

Во-вторых, мое ненаглядное сокровище, войдя в раж, мечется по квартире и бьется головой о стены. Не нужно обладать большим воображением, чтобы представить, как выглядит наша квартира, когда я задерживаюсь надолго. Но это бывает редко. Обычно я поручаю Бонни заботам дяди Васи.

Так получилось, что последние несколько месяцев огромный дог и немолодой милиционер на пенсии – вся моя семья. Родителей своих я не помню – они развелись, когда мне не было и года. Мы жили с бабушкой, она умерла, когда я училась на третьем курсе техникума. Больше никаких родных у меня не было. Потом я вышла замуж и прожила шесть лет в браке, искренне считая его счастливым. А когда выяснилось, что это не так, – я хоть и переживала ужасно, все же сумела выдержать и долгий изматывающий развод, и всевозможные гадости, которые устраивал мне муж, теперь уже, к счастью, бывший. В это тяжелое время меня морально поддерживал Бонни, его хозяева трагически погибли, и у нас с ним получилось, как поется в старой песне, «просто встретились два одиночества, развели на дороге костер...»

Слава тебе господи, это чудовище не умеет пользоваться спичками, а не то спалил² бы квартиру в мое отсутствие.

Дядю Васю мы придружили к себе позже. Он помог мне не только морально, но и физически – спас от обвинения в убийстве, которого, как понимаете, я не совершала.

И вот теперь все было бы прекрасно, если бы неутомимый детектив Куликов не искал бы приключений на свою голову и слушался изредка меня. Хотя что он мог сделать? Не брать новые заказы? В нашем агентстве дела и так идут ни шатко ни валко, денег едва хватает на жизнь. А вы представ-

---

² См. романы Н. Александровой «Откройте принцу дверь» и «Кодекс поведения блондинки».

ляете, сколько ест Бонни? Да еще любит не только мясо, но и разные дорогие деликатесы – коктейль из морепродуктов, к примеру, или французский сыр...

В общем, в данный момент дядя Вася со сломанными ребрами и рукой в гипсе лежит в больнице, а я собираюсь его навестить. Скрепя сердце он это разрешил. Я долго ныла и уговаривала его по телефону, говорила, что страшно волнуюсь за него, что не могу спать, потому что вижу во сне его – бледного, худого, с голодным блеском в глазах. Дядя Вася кричал, что все – глупости, что в больнице прекрасно кормят и что он не хочет никого обременять. В конце концов я попросила Бонни подойти к телефону. Что уж он гавкнул дяде Васе, я не знаю, но мой начальник согласился, чтобы я пришла. Но только строго предупредил, что приносить ничего не надо за исключением некоторых мелочей. И чтобы я обязательно составила список этих мелочей, а то все перепутаю, забуду, принесу не то.

Я начала собирать вещи по списку еще с вечера, а сейчас уже двенадцатый час следующего дня, и сумка укомплектована. В ней лежат:

- смена белья и две пары носков, одни – шерстяные, связанные мной лично прошлой зимой;
- два полотенца, потому что той тряпочкой, что выдали дяде Васе в больнице, вытираться невозможно;
- одна наволочка, потому что дяде Васе досталась рваная, и он просыпается оттого, что в рот лезут перья из подушки;

– домашние мягкие тапочки, потому что в тех шлепанцах сорок пятого раздвижного размера, что выдали в больнице, можно только пятиться задом, как раки;

– большая кружка с мордой бордоского дога на боку (я подарила ему кружку на прошлый день милиции, морда похожа на Бонни);

– ложка, кипяtilьник, чайные пакетики и кусковой темный сахар (дядя Вася любит пить чай вприкуску);

– две газеты с кроссвордами;

– журнал «За рулем»;

– блокнот и ручка на тот случай, если дядю Васю неожиданно посетят умные мысли;

– очень удачная фотография Бонни в розовой стеклянной рамочке;

– банка вишневого варенья (дала сердобольная соседка, которая питает к дяде Васе чисто дружеские чувства).

Да, сумка уже полным-полнехонька, а ведь остался еще пакет с фруктами и теплая трикотажная фуфайка, потому что у них там в отделении сквозняки.

Я тяжело вздохнула и посмотрела на Бонни.

– Вот если бы ты был у нас ездовой собакой, Бонечка, я нагрузила бы нарты, и ты бы все это потащил.

«Больно надо!» – фыркнул Бонни, утром я объяснила ему, что в больницу с собаками не пускают.

Пришлось взять еще дополнительный пакет с ручками, тетка, что продала мне его, утверждала, что этот пакет вы-

держивает пятнадцать килограммов.

На улице хоть и середина мая, но сегодня пасмурно, небо затянуто какой-то серой гадостью. Я надела ветровку и кепочку с козырьком, а зонтика не взяла – в двух руках покляжа – в зубы, что ли?

Первые капли дождя настигли меня уже на улице, когда прошла полдороги до метро и возвращаться не было смысла. Поднажала и рысью влетела в вестибюль.

– Есть еще женщины в русских селеньях! – восхитился мужчина на эскалаторе, увидев мои неподъемные сумки.

Тоже мне, остряк-самоучка, лучше бы помог донести!

В вагоне я плюхнула сумки на пол и пристроилась в уголке. Но когда вышла из метро на нужной остановке, дождь стоял стеной. С неба хлестали струи, как вода хлещет из прохудившейся трубы. Грохотал гром и сверкали молнии. Пока я добежала до навеса остановки, ветер сорвал с меня кепочку, и встречная машина окатила из лужи. Подумать только, был в позапрошлом веке поэт, который нахально утверждал, что он любит грозу в начале мая! Его бы на мое место!

В отделение травматологии я явилась вся мокрая и дико злая. Бабка на вахте заворчала было, что в таком виде не пустит, но поглядела мне в глаза и махнула рукой – иди уж, только бахилы надень.

Двенадцатая палата находилась в самом конце коридора, возле двери на лестницу, от которой невыносимо дуло. В коридоре пахло дешевым средством для мытья полов. Это хо-

рошо, значит, хотя бы пол моют, сказала я себе в утешение, потому что в носу немедленно зачесалось.

Ручку пришлось повернуть локтем, а дверь толкнуть ногой. Господи, дошла, кажется... И в это время в носу засвербело ужасно, я чихнула, проклятый пакет порвался, и яблоки выкатились на серый выношенный линолеум прямо под ноги какому-то типу в синем байковом халате. А говорили, что выдержит пятнадцать килограммов, вот и верь после этого людям!

– Ой-ой-ой! – закричал он тонким детским голосом, потом нагнулся и стал собирать яблоки.

При этом халат, у которого были оборваны все пуговицы, распахнулся, и я увидела, что под халатом тип совершенно голый. Он ухватил три яблока, причем одно тут же надкусил.

– Эй, ты чего? – возмутилась я. – Тебе, что ли, принесли?

– Василиса, – раздался голос с кровати у окна, – оставь его, он не в себе.

Тип с хрустом ел яблоко, радостно урча. Голова у него была замотана бинтом в виде шапочки, еще со школы я знала, что такая повязка называется «шапочка Гиппократов».

Я подобрала оставшиеся яблоки и подошла к дяде Васе. Выглядел он не очень хорошо, что, учитывая здешние условия, неудивительно. И то сказать – привезли его в эту дежурную больницу по «Скорой», сюда свозят всех жертв аварий, а также бомжей, ушибленных в драках и так далее. Палата, однако, была не на двадцать человек, а на четверых, что уже

хорошо. Две кровати по стенам у окна, и две кровати у дверей. У окна, кроме дяди Васи, лежал еще старик с ногой на растяжке. Я обошла сложную конструкцию и присела на табуретку.

– Ну, как вы?

– А то не видишь, – ворчливо ответил дядя Вася, – курорт тут!

Вот интересно, а я-то тут при чем? Ведь это не я его спихнула с балкона и не я уговорила его туда залезть... Но, разумеется, не стоит пострадавшему человеку напоминать о его ошибках, тем более если он – мужчина. Эти никогда в своих ошибках не признаются и очень любят их перекладывать на других. Чтобы отвлечь дядю Васю от грустных мыслей, я стала разбирать сумку.

– Вот смотрите, все как вы велели, – я выложила в тумбочку вещи, поменяла наволочку и повесила на спинку кровати полотенчику в веселеньких разноцветных мячиках.

– Это все? – спросил дядя Вася, исследуя принесенное. – А брюки не принесла?

– Какие брюки? – оторопела я.

– От костюма тренировочного китайского! Тут такое выдали – в коридор выйти срамно! И бритву!

– Так вы же их в списке не указали... – растерялась я.

– А самой не догадаться? – огрызнулся дядя Вася. – Щетиной оброс, буду вон скоро как Егор Иванович, – он кивнул на соседнюю кровать.

Старик, лежавший там, повернул голову, и я увидела, какой он бородатый. Борода была окладистая, как говорят – лопатой, и совершенно белая. Волосы тоже были пышные и совершенно седые.

– Ну, до Егора Ивановича вам еще расти и расти, – поддразнила я дядю Васю.

– И то верно, – басом сказал старик, – ты, Василий, скажи дочке спасибо, что пришла.

И вздохнул тяжело. Дядя Вася устыдился и перестал ворчать. Неловкое молчание нарушил тип в халате на голое тело.

– Ай-ай-ай! – взвизгнул он и коршуном набросился на яркое полотенчишко, потряс его, восхищенно рассматривая, и, прежде чем я успела выхватить, повязал себе на голову.

– Ну, ты у меня получишь! – рассердилась я.

– Ой, да не трогай ты его, он больной! – Дядя Вася здоровой рукой ухватил меня за локоть.

– Вы все тут больные, – отмахнулась я, – а этот псих, что ли?

– Псих не псих, а малость с придурью, – ответил за дядю Васю старик, – видно, от природы такой был, да еще болтается все время по улице и тащит по простоте своей что плохо лежит. А народ у вас в городе злобный, за копейку готовы человека убить. Вот ему и стукнули по башке бутылкой. А она у него и так слабое место...

– Что, и родных у него никого? – сочувственно спросила я.

– Да все его тут знают как облупленного, он уж не в пер-

вый раз сюда попадает, живет напротив, в том кирпичном доме. Пока мать была жива, все-таки под присмотром был. А как умерла она, то совсем он пропадает. И в интернат не берут, потому что родня есть. А что за родня? Брат пьет без просыпу, а невестка только рада, что он в больнице, надоел он ей хуже горькой редьки. Тащит из дому, все ломает, портит... Так-то он безобидный... Петюня, – старик зарокотал ласковым басом, – ты отдай девушке полотенце-то...

– Да пускай забирает, – вздохнула я, – все равно изгваздал его...

– Обед! – раздался в коридоре зычный голос, и в палате запахло пригорелым машинным маслом.

Когда я посмотрела, что предлагают больным на обед, я удивилась, как они вообще умудряются тут выздоравливать, и дала себе слово это безобразие прекратить. Путем несложных вопросов мне удалось выяснить, что питались все трое в основном пирожками, которые продавала тетка в холле больницы. Пирожки приносил дядя Вася – держась за ребра, он все же мог раз в день спуститься в холл на лифте. Петюня тоже был ходячий, но кто ж ему доверит деньги. А пирожки уж тем более, он их до палаты не донесет, по дороге съест.

Толстая баба, что привезла обед, посмотрела на меня с ненавистью и зашипела злобно, когда я попыталась взять второй кусок хлеба. На Петюню она вообще замахнулась поварешкой, когда он потянулся за булкой. Петюня не обиделся и, пока мы с бабой переругивались, умудрился стянуть

полбатона. Соображает все-таки!

– Вот что, мои дорогие! – строго сказала я всем обитателям палаты номер двенадцать. – Если хотите поправиться, будете слушаться меня. Во-первых, никаких сомнительных пирожков, иначе вас переведут в инфекционное отделение. Вам нужно мясо, творог и яйца. Все это я принесу завтра, а сегодня никаких походов за пирожками, будете пить чай с булкой и вареньем. И не спорить! – Я повысила голос. – Теперь я командир!

Дядя Вася так удивился, что промолчал, Егор Иваныч тихонько усмехнулся в бороду.

Оставшуюся половину дня я провела в разнообразных хозяйственных хлопотах. Пробежалась по магазинам, накупила продуктов, сварила крепкий мясной бульон и навертела котлет. На ужин нажарила жуткое количество сырников. Утром сварила еще десяток яиц, прихватила пачку масла и полкило сыра. Бонни, отиравшийся на кухне, смотрел грустно – снова я ухожу без него.

– Будь умницей! – Я потрепала его по загривку и с трудом подняла набитую сумку.

Этак я скоро тяжеловесом стану!

Мои увечные пребывали в унынии. Возможно, это была реакция на больничный обед – сегодня, судя по запаху, оставшемуся в коридоре, были щи и макаронная запеканка,

опять-таки на машинном масле.

Дядя Вася, увидев еду, несколько оживился, Петюня издал радостный рык, только Егор Иванович остался лежать лицом к стене. У него с кровати сняли ужасную конструкцию, и нога в гипсе теперь просто лежала поверх одеяла.

– Что это с ним? – спросила я тихонько.

– Да у него неприятность, – ответил дядя Вася невнятно – в этот момент он жевал, – он давно тут лежит, обещали врачи гипс сегодня снять, утром просветили его – оказалось, рано, нога не срослась. Этот гипс сняли, новый намотали, сказали, еще три недели... А он уж выписываться надумал...

– Егор Иванович, – я тронула старика за плечо, – покушайте, может, полегчает... Хоть котлетку...

– Да я мяса не ем... – он повернулся и посмотрел грустно.

– Тогда сырники! – оживилась я. – Или вот яичко...

С моей помощью он сел на кровати и поел, и чаю крепкого попил.

Петюню я оттащила от еды силой – лопнет же. Потом выдала ему старые дяди-Васины трусы и майку.

– Вот это дело! – похвалил меня Егор Иванович. – А то его в таком непотребном виде в женское отделение не пускают, а там телевизор.

Я пришила еще недостающие пуговицы на Петюнином халате, и он, страшно довольный, повязал голову полотенцем и таким франтом отправился смотреть телевизор.

Я вымыла посуду и прибрала немного в палате, а то у них

был порядочный свинарник.

– Хорошая у тебя напарница, Василий, – сказал Егор Иванович, внимательно за мной наблюдавший. – Повезло тебе...

Я поглядела в глаза дяде Васе – что это значит, он рассказал соседу о нашей работе?

– Садись, тетка, – он правильно понял мой взгляд, – садись и слушай. Вот у Егора к нам дело...

Старик оглянулся на дверь, неплотно прикрытую Петюней, и нахмурил кустистые брови. Закрывая дверь, я выглянула в коридор. Там было пусто, даже на посту медсестры никого не было. Ну, это как раз несколько не удивляет.

– Рассказ у меня долгий будет, – начал Егор Иванович, – ты уж, дочка, не обессудь. Родился я в деревне Забродье. Это в Лужском районе, только от Луги еще километров семьдесят. Это, конечно, если напрямую по карте смотреть. Хотя деревня наша не на всякой карте есть, хоть и большая была раньше деревня. А так если от Луги ехать, то сначала идет шоссе, потом грунтовка, потом надо большого крюка дать по проселку, поскольку с одной стороны деревни болото непроходимое, а с другой – река. И моста через нее нету.

– Как же так – люди давно живут, а моста нету? – ввернула я.

– А вот так. Если простой мост ладить, чтобы только перейти, то дорого больно. А каменный для машин – кто же ради одной деревни стараться станет. Опять же раньше по реке буксир ходил, ему мост помеха. Деревня хоть и называется

Забродье, но брода рядом тоже нету, река глубокая, а весной вообще на версту разливается. В общем, как раньше при царе Горохе жили, так и сейчас живем. Люди машины на противоположном берегу у переправы оставляют и кричат, чтобы перевезли. Там человек живет у реки, лодка у него всегда наготове. Ну, зимой, конечно, можно по льду перебраться. Если мороз.

Дядя Вася мигнул мне, чтобы подала рассказчику чаю, да и он бы не прочь. Я в ответ едва заметно пожала плечами – что-то уж больно издалека начинает рассказчик, этак мы до вечера не управимся. А у меня Бонни голодный и негуляный.

– Отец у меня с войны пришел контуженый, говорить совсем не мог, так заикался, – продолжал Егор Иванович, – говорили, что и до контузии характер у него был тяжелый, а уж потом... Все нам с сестрой запрещал – выйти куда погулять, в клуб опять же, песни попеть... Мать совсем запугал, она и слово поперек сказать боялась. Она медсестрой работала на фельдшерском пункте, иногда сутками, теперь я думаю, только чтобы дома пореже бывать. Отец, конечно, недоволен был, да только другой работы в нашем захолустье не сыскать было.

Так и жили. Сестра забитая была, тихая, одевалась как старуха, отца боялась очень, он под горячую руку и ударить мог. А я помладше ее на пять лет, заводной в детстве был – все мне надо куда-то бежать, отца не слушался, хоть он и драл меня как сидорову козу. И характер у меня такой по-

лучился – ну все поперек надо сделать. Говорит отец – сиди дома, учись, так непременно убегу, уроки не сделаю и наутро двоек нахватаю. Или мать велит – надень шапку, мороз на улице, так я шапку эту на крышу сарая заброшу, потом болею, один раз уши отморозил, думал, вообще отвалятся. Или на реке мы купаемся, взрослые кричат – не прыгайте в омут, затянет. Все слушаются, а я прыгнул. Хорошо, дядька Матвей мимо проходил, вытащил меня, сам чуть не утоп. Так и рос. Отец нам твердил, что никуда из деревни не отпустит, где родились, мол, там и пригодились. Человек хорош на своем месте и так далее. А я откуда знаю, что мое место здесь? В общем, как пришла повестка в армию, я прямо обрадовался – иначе ведь никак не вырваться. И уходя сестре сказал – не ждите, мол, не вернусь в это болото ни за что на свете. Она только заплакала.

Снова я переглянулась с дядей Васей и украдкой взглянула на часы. Время бежит, а до дела еще и не дошли. Дядя Вася успокаивающе кивнул – слушай, мол, раз человек говорит, да на ус мотай, все может пригодиться. Ну, ясное дело, ему-то спешить некуда, ему разговор вроде развлечения, скуку больничную разогнать.

– Отслужил я в армии, демобилизовался, да и рванул сразу в Москву, – продолжал Егор Иванович, – такое у меня было мнение, что надо сразу брать быка за рога. Получил в армии специальность водителя, думал – сразу работу найду, и начнется у меня новая интересная жизнь. Ну, работу, конеч-

но, нашел, да ничего хорошего. На приличное место никто не хотел незнакомого человека брать, в такси если – так я города не знаю, грузы возить – боятся материальные ценности доверить. В общем, еле-еле пристроился в автосервис на подхвате. Платят мало, все на жилье уходит, какие тут гулянки, ел и то не всегда досыта. Семье сразу написал, что не вернусь. А от сестры в ответ письмо пришло, что отец меня на иконе проклял и запретил имя мое вспоминать. Он в последние годы верующим стал, в церковь не ходил, а дома весь угол иконами завесил. И мать с сестрой молиться заставлял. Ну, я не очень расстроился, проклял и проклял, все равно я возвращаться не собирался. И вообще Бога нет, это все мракобесие одно. На материальных, в общем, тогда позициях стоял.

Пришел Петюня и потребовал чаю с конфетами. Хорошо, что догадалась купить дешевых карамелек в ярких фантиках. А то на этого троглодита не напасешься!

Петюня сел с кружкой тихо у себя в углу, а Егор Иванович снова заговорил:

– Отощал я от такой жизни, тут подкатывает ко мне один шустрый типчик. Много таких вокруг автосервиса крутилось. Так и так, говорит, нужен водила кой-какие делишки проверить. А я на все согласный был – голод не тетка. Оказалось – ворованные детали они перевозят. А мне что? Я за баранкой. Раз прошло удачно, другой, третий... а потом заехали нас. Я все твердил на суде, что ничего не знал, а все

же год дали. Ну, там, в колонии, и началась у меня школа жизни. Характер у меня все же сильный оказался, выжил я и кое-чему научился. Что доверять никому нельзя, что надеяться можно только на себя и что от трудов праведных не наживешь палат каменных. Такое вот выработалось у меня мировоззрение.

Егор Иваныч помолчал.

– А как вышел, то завертелась карусель. Скорешился там на зоне кое с кем и пошел уже сознательно по кривой дорожке. По мокрому делу – ни-ни, а так воровал, мошенничал, машины угонял, возил ребят на дело – все было. Но осторожным уже стал, не попадался.

Годы пролетели – и сам не помню как. Деньги между пальцев текли как вода, пил, конечно, женщины опять же... Потом познакомился как-то в Сочи с шулером старым. И научил он меня своему ремеслу. Это значит в поезде садиться за карты с мужиками, кто побогаче. Этот-то мужик в свое время гремел, талант имел – карту через рубашку чуял. Но с возрастом сдавать стал, чувствительность пальцев понизилась, и решил он напоследок доброе дело сделать, мастерство свое передать. Все говорил, что после тридцати надо в жизни определяться, какую-нито профессию в руках иметь. Мало ли как жизнь сложится? Ну, послушал я его, научился кой-чему. Стал потихоньку новое дело осваивать. Главное – ни от кого не зависишь, а значит – никто не подведет.

Еще время прошло, уж не помню, сколько лет, а только

прихватили меня как-то в поезде. Я ведь не то что тот шулер старый, никакой особой чувствительности в пальцах не имел. Так просто, ловкость рук, вовремя колоду подменял на крапленую. И играл-то по маленькой, не зарывался. Тут такие жлобы попались, отделали меня – мама не горюй! И выбросили из поезда на ходу. Хорошо – не на дерево попал, а то бы не было нашего сейчас разговора. И ничего бы не было.

Егор Иванович тяжело вздохнул, я же слегка поерзала на неудобном стуле. Скоро ужинать, а конца рассказу и не видно.

– Ну что, – продолжал Егор Иванович, – очухался я маленько, отряхнулся. Время на дворе – ночь, месяц – декабрь, только-только снег выпал. Мороз не сильный, но все же прихватывает. А у меня пальтишко легкое, пижонское, да ботиночки на тонкой подошве. Ну, однако, не пропадать же тут, нужно выбираться. Прикинул я свое местоположение и расстроился. Перегон длинный, до станции ближайшей по шпалам нипочем мне не дойти. Помнил я приблизительно, что должна быть шоссейка неподалеку. Думаю, может, там подсадит кто в машину. А то замерзну совсем. Ну и пошел. Ногу ушиб, когда падал, весь в снегу, ботинки раскисли – ну, спастись-то надо, вот и тащусь. Хорошо еще, что небо звездное и луна вышла, а то бы пропал совсем в темноте.

Ну, иду потихоньку, по звездам определился. Ночь тихая, ветра нету, далеко все слышно. Да только дорога не главная, кто по ней ночью ездит? Это теперь машин много, а тогда,

двадцать лет назад, ночью и дальнотойщики не ездили. Иду я, иду, чувствую – плутать начал. Ну, должна дорога уже показаться! А мороз хоть и не сильный, все же прихватывает. Надо, думаю, остановиться, да костер разжечь, погреться. Только подумал так – смотрю – дорога как раз рядом. Ну, вышел я на дорогу, поглядел – никаких машин. А на одном-то месте топтаться совсем холодно, да еще поддувает на дороге. А я от усталости да от холода обалдел маленько, соображаю плохо. Никак не могу определиться, в какую же сторону мне идти. Ноги заледенели, сил не осталось, увидел я кучу хвороста и решил костер разжечь. У меня зажигалка в кармане, а на морозе горит все плохо. И тут вдруг слышу – вроде машина едет. В первый момент думал – почудилось мне, перед смертью-то, потом гляжу – фары. Я хотел вперед на дорогу выйти, да куда там – шагу ступить не могу! Ну, думаю, конец пришел, за все хорошее, что в жизни совершил, Бог меня тут и накажет, замерзну, как собака бездомная, никто и не найдет. И тут вдруг машина останавливается прямо возле меня, выскакивает из нее женщина и бежит в лес. Что, думаю, такое с ней? Не ездят обычно бабы одни по ночам, а уж тем более в лесу машины не останавливают. Плохо, что ли, стало или приспичило ей? Ну, думаю, подожду, когда обратно она пойдет, да Христа ради в машину и попрошусь...

Егор Иваныч закашлялся, и я подала ему стакан с остывшим чаем.

– Тетка, ты бы еще согрела... – заискивающим голосом

сказал дядя Вася.

Я зыркнула на него недовольно и постучала по часам.

– Прости, дочка, что задерживаю, – немедленно отреагировал Егор Иванович, – только стоят перед глазами те события, как будто вчера все случилось, а не двадцать лет назад.

В палату заглянула дежурная сестра и принялась ругать Петюню. Оказывается, он сумел пробраться в женское отделение и утащил там из одной палаты ананас и лифчик шестого размера.

– А лифчик-то ему зачем? – хором удивились мы все.

– Спрятал куда-то, паразит, – скривилась сестра, – вот уже он где у меня! Ночами не спит, по отделению шастает. Вчера вломился ночью в палату, девчонку с переломом чуть на смерть не перепугал! Хорошо, она заорала, так другие больные проснулись. Там старуха такая боевая Аглая Михайловна, она его костылем огрела по голове.

– Так у него же и так голова ушибленная...

– А, ему хуже уже не станет! – Сестра напомнила мне, что через полчаса всех посетителей выгонят, и ушла.

– Только хотел я на дорогу выползти, – продолжал Егор Иванович, – как подъезжает другая машина. Выскакивают из нее четверо мужиков да к той, первой машине подбегают. Орут, матерятся, дверцы рванули, как увидели, что нет никого, так еще пуще матюгами пустили. Не уйдет, кричат, сука, куда денется! И за той женщиной в лес побежали по следам, только водила возле машины остался. Если бы все ушли, я

бы, может, рискнул, да угнал одну машину, завести-то тогда мог любую без ключей.

Но тут вижу – люди серьезные, да еще злые очень, таким под руку не попадайся. Тут слышу – палить они начали, я и вовсе испугался. Вот человек странно устроен – ведь приготовился было уже умирать, в снегу замерзнуть, а тут вдруг испугался. Шагнул я от дороги в сторону, оступился, да и покатился по склону. Притормозил кое-как, очухался, слышу – снег скрипит. И выбегает прямо на меня та женщина. Меня, конечно, не видит – я в снегу весь, как сугроб. И вижу я, что она что-то к груди прижимает. Вдруг сверток этот запищал, и понял я, что это ребенок, маленький совсем, в одеяльце. А женщина странно поступила. Сняла с себя кофту вязаную, на ней ни шубейки, ни куртки никакой не было. Развернула она ребенка, укутала в свою кофту и положила под елку. Перекрестила, глаза к небу подняла и шепчет что-то. Потом завернула в одеяльце сук толстый, что рядом валялся, и побежала вперед. А за ней уже слышу – эти ломаются. Орут – стой, сука, все равно не уйдешь! Поймаем, на елке подвесим! И отродье твоё тоже!

Я лежу в снегу – ни жив ни мертв, думаю, если увидят – свидетеля точно не оставят. Эти проломились мимо – я в сторону откатился, снова там обрыв. И вижу я с обрыва, что женщина по склону бежит, а там пространство ровное, белое – река, значит. И эти трое за ней. Женщина оглянулась, да и ступила на лед. И пошла. Те уже к берегу подходят, она

быстрее идет, бежит прямо. Стой, они кричат, да как пальнет один, видно, попал. Она упала, ползет дальше, один из этих сволочей ступил было за ней, тут другой его оттаскивает, что ты, кричит, братан, лед же еще тонкий, провалишься! И точно, слышу я треск, это лед на середине обломился, ушла женщина под воду. Побултыхалась немного, да и утонула.

Эти постояли, помолчали. Потом один и говорит: «Туда ей, суке, и дорога!» А другой: «Да, а что мы Корню скажем?» – «То и скажем, – третий вмешался, – он ведь все равно велел ее потом убрать. И пошли уже отсюда, а то достало все – в снегу по колено бегать!»

– И ушли они, – Егор Иванович заговорил тише, – а я лежу в снегу – встать не могу, до того меня все происшедшее потрясло. Жизнь меня везде мотала, всякого повидал, но чтобы вот так, на глазах у меня человек такой лютой смертью умер, – такого не было. Ну, встал, потащился назад, слышу – уехали эти бандюки и вторую машину увезли. Хоть живой, думаю, остался, и на том спасибо. И вдруг слышу писк какой-то, ну как заяц пищит или котенок маленький. И вспомнил я про ребенка, и понял, отчего та женщина так поступила. Ведь она злодеев этих от своего дитяти отводила, как птица от птенцов отводит! Ведь она ребенка спрятала и у Бога помощи попросила – спаси дитя невинное, говорит!

И тут меня как громом ударило. Ведь это же меня, думаю, Бог посылает, чтобы душу невинную спасти! Получа-

ется, что не зря меня те жлобы в поезде отлупили и не зря я шел ночью морозной и вот сюда поспел в самый момент!

Взял я того ребеночка, развернул слегка, гляжу – совсем маленький, красный весь, а сил плакать уже нет, только рот разевает. Ох, не жилец ты, думаю, замерзнем мы с тобой тут, снегом нас заметет, к утру и следа не останется. Что делать? Встал я посреди поляны той, где ребенка нашел, посмотрел на небо. Господи, говорю, если ты есть, не дай пропасть! Не за себя прошу – за дите малое, оно-то чем виновато. Никто мне не ответил, только звезда упала, как закатилась. Ну, думаю, это мне к смерти. Оглянулся по сторонам – и вдруг как молния в голове ударила. И осветила все вокруг. Увидел я места эти, как будто с самолета. Вот тут река, вот тут дорога. А железка, где меня-то с поезда выбросили, вон в той стороне, точно. А река-то наша, что у моей деревни Забродье течет. Только если вдоль реки этой идти, то за неделю не дойдешь, извилистая она очень и длинная. А вот если напрямик...

– Егор Иваныч, Василий Макарович! – В дверь заглянула медсестра. – Пора вашей посетительнице на выход!

– Да сейчас! – отозвалась я. – Вот только вещи их соберу!

– Спрятал я ребеночка за пазуху, прикрутил шарфом своим, да и пошел напрямик по лесу, – заторопился Егор Иванович, когда за сестрой закрылась дверь. – Как шел, кто меня вел – не помню, в голове будто компас работает – туда повернуть, тут пройти. Конечно, хорошо было, что подморозило,

а снега мало, иначе завяз бы там. В общем, теперь я думаю, что верст десять, а то и больше отмахал я той ночью по бездорожью. И опомнился, только когда места уже пошли знакомые. Подошел я к деревне не от реки, а со стороны болота. Летом в то болото мы раньше и не совались, а зимнюю тропу мне отец показывал, у раздвоенного дерева она начиналась. Ну что, изменилось все, конечно, за двадцать лет, да только то дерево я узнал. Ну и пошел. Ребеночек у меня за пазухой молчит, а я и смотреть боюсь – ну как не живого уже несую?

Однако прошли мы по болоту, не сбился я ни разу, не провалился. Вышли в деревню, когда светало уже. Никто меня не видел, прошел к дому своему, гляжу – свет горит, и дым из трубы идет. Стукнул в окошко тихонечко, выглянула женщина – кто такой? Я шепчу – мама, открой, это я, Егор! Она как вскрикнет – и пропала. Потом дверь открыла, я думал – мать, а это сестра так постарела. И то сказать, лет двадцать я дома не был, не знал, что родители умерли. Ну, вошли в избу, ты, говорю, Анна, только не пугайся. И подаю ей ребеночка. А сестра у меня санитаркой работала вместе с матерью, пока пункт фельдшерский не закрылся. Ну, все же женщина, хоть своих детей и не было, а как-то разобралась с ребеночком-то. Это, говорит, девочка новорожденная, ей дня три, не больше, пуповинка не отпала. А я как отдал ей ребенка, так и свалился на пол. Проспал чуть не сутки. Ну, после как проснулся, гляжу – ребеночек обихожен, спит спокойно в колыбельке – на чердаке еще наша люлька хранилась. Сел

я за стол, да и рассказал сестре всю свою жизнь и последние события тоже. Так и так, говорю, послал меня Бог девочку спасти, я и постарался. А теперь решай, что делать с ней станем. А что тут решать, сестра говорит, уже все за нас решили. Куда же ее денешь, если матери на свете нету? Только, говорю, молчать нужно про это все, потому что если те сволочи, что мать ее убили, прознают, что дочка жива, то нам несдобровать. И ей худо будет. Сестра со мной во всем согласная, она и раньше никогда никому не перечила. Решили мы объявить, что я с дочерью вернулся. Мать, дескать, при родах померла, а я вот вернулся в родные места, поскольку дома и стены помогают. Напоследок сестра подает мне серезжку бриллиантовую, очень красивую. Я при своей жизни повидал цацек разных, так сразу понял, что работа старинная и вещь дорогая. Нашла, говорит сестра, в пеленке девочкиной. И еще бирочка там была, а на ней написано – Сарафанова Надежда, десятое декабря одна тысяча девятьсот девяносто второго года. И еще цифры, мне сестра объяснила, что это рост и вес. В роддоме такие новорожденным детям привешивают, чтобы потом не спутать. Ну, говорю, вот и хорошо, что у девочки имя есть. А сестра смеется – какое же это имя? Это мать ее так звали, в роддоме всегда так пишут, а у ребенка еще имени нету... Все равно, говорю, дочку Надей назову, очень ей это имя подходит – Наденька-найденка. А фамилию свою дам, про Сарафанову забудь. Сестра мне еще на пеленке штамп показала – Зареченская больни-

ца. Прикинул я – вполне могла та несчастная оказаться в том месте, где смерть свою нашла, если из больницы ехала. Взял я пеленку ту, да кофту вязаную, да и сжег во дворе за сараем, а сережку спрятал подальше. Ну, сельсовет у нас был в соседней деревне, отнесла сестра председателю пол-литра да денег сколько-то, он и оформил ребенку метрику. Боровик Надежда Егоровна, все как у людей.

– Это у вас такая фамилия – Боровик? – фыркнула я.

– А что – хорошая фамилия, – не обиделся Егор Иванович, – у нас, почитай, полдеревни Боровики. Это потому что лес рядом хороший, грибов там белых – хоть косой коси! Вот и стали мы жить. Сестра по хозяйству хлопочет, да за ребенком следит, я на огороде, да по дому – то забор подправить, то сарай перекрыть. Однако деньги, что привез, быстро кончились, стал я наниматься на мелкие работы. От отца инструменты остались. Летом, конечно, грибы-ягоды продавать ездили на рынок.

– Негусто, – протянул дядя Вася, – ребенка растить – много денег нужно...

– Твоя правда, Василий, – согласился Егор Иванович, – первое время плоховато жили. А потом, как жизнь в России устаканилась, нашелся и у нас приработок.

Он пошарил в тумбочке и вытащил яркую глиняную игрушку. Это была кукла – в малиновом сарафане и белой кофте с пышными рукавами. Снизу торчали малиновые сапожки.

Я осторожно взяла игрушку в руки. С виду самая обычная глиняная игрушка, бабушка мне рассказывала, что в ее детстве их было полно. Но эта куколка отличалась от тех, лупоглазых и большеротых. Лицо у нее было выписано так тонко и тщательно, что казалось вполне одушевленным. Куколка глядела удивленно, даже брови были чуть приподняты. И удивление это было приятное, казалось, еще немного – и кукла заливисто рассмеется от радости.

– Нравится? – Егор Иванович любовно погладил игрушку. – Это и есть наш приработок.

Далее выяснилось, что лет пять назад приехала в деревню женщина. Представилась специалистом по народным промыслам и расспрашивала про глину.

– Уж откуда ей стало известно про глину нашу, то неведомо, – рассказывал Егор Иванович, – у нас в деревне и то только старики да старухи про это помнили. Была неподалеку глина особенная, из которой игрушки делали. Только все это еще до войны в упадок пришло. Раньше частное производство-то не приветствовалось. В общем, уговорила меня та женщина, нашел я ту глину, а сестра у бабки одной отыскала рецепт. Отец той бабки большим мастером был в свое время, его потом посадили. После войны вернулся весь больной, быстро умер. У них и печь была для обжига, только развалилась. Подлатал я печку, налепили мы куколок, а краски для росписи та женщина привезла. И еще много чего нужного. Ну, освоились помаленьку, старухи, кто видит, стали ку-

колок расписывать. Мастерство ведь оно глубоко сидит, сразу-то не изживешь... И тут Надюша моя проявилась, – голос у Егора Ивановича дрогнул.

– Она ведь с самого раннего детства рисовала хорошо. Вообще девочка росла – загляденье. Красивая, умненькая, ласковая. Сестра моя так к ней прикипела душой, не нарадуется. Как-то раз мне и говорит: сердилась я на тебя, Егор, что бросил нас, что уехал на двадцать лет и одну меня оставил с родителями мучиться. Мать перед смертью болела сильно, а отец к старости и вовсе невозможным стал. Но все я тебе простила за то, что такой подарок мне сделал, за Надю. Думала, что одной придется доживать, а теперь и старости не боюсь. Надя росла, в школу я ее возил сам. Там учительница говорит, что большие способности у нее к рисованию. Я, конечно, все ей покупал что нужно – краски там, бумагу. А тут как завелись мы с куколками, Надя у старух и выпросила расписать парочку. Да так здорово у нее получилось, что Валентина-то, Пална, та женщина, что куклы покупала, прямо ахнула. У девочки, говорит, талант, он, говорит, от души идет, а что умения не хватает, так это приложится. Учиться ей надо. Ну, привезла ей книжки, да только Надя все больше не умом, а сердцем ту науку постигала.

Кукол тех продавала Валентина Пална иностранцам. Надо думать, большие деньги с них брала, но и нас не обижала. Так и жили. Надя школу окончила, еще год прошел, а потом сестра умерла. И той зимой затосковала моя Надя. И рань-

ше-то тихая была, а тут все сидит в уголке, либо кукол расписывает, либо рисует. Я тоже задумываться начал, какая судьба ее здесь, в деревне, ждет. Ну, пока я жив, в обиду, конечно, не дам, а потом? Красоты девчонка уродилась необыкновенной, летом дачники приедут – так даже немолодые мужики на нее заглядываются. Деревенские-то парни за ней не бегали – понимали, что не про них кусок. И как такую в город отпустить?

Валентина Пална на полгода за границу уехала – не то опыт перенимать, не то свой им там передавать, но перед этим сказала, что нужно весной обязательно приехать, чтобы с осени в училище художественное попасть. Ну, договорился я с одним там из нашей деревни. Раньше-то его Мишкой звали, а как уехал в город, да выслужился там в начальство, стал Михаилом Сергеевичем. Но мужик серьезный, положительный, семья у него, квартира трехкомнатная, дом – полная чаша. Не волнуйся, говорит, Егор Иванович, приму дочку твою, в училище сопровожу и приют дам, пока общежитие ей не дадут. Сказал приезжать до майских праздников, а то потом его дома не будет. Ну, собрал я Надю, денег ей дал на дорогу и вообще на электричку посадил. Телефона у нас в деревне ни у кого нету, договорились, что письмецо она мне черкнет – как устроилась, да как с учебой будет...

В дверь снова заглянула сестра, но я успела спрятаться в шкафчике для одежды.

– Ушла посетительница? – подозрительно спросила сест-

ра.

– Ушла давно, – дядя Вася смотрел честными глазами, и даже Петюня покивал головой.

– Ну, жду-жду я от Надюши весточки, – продолжал Егор Иванович, как только ушла сестра, – а сам замотался совсем с этими куклами – без Нади дело плохо идет. И тут вдруг через две недели приезжает в деревню Михаил Сергеич. Я к нему – как там Надя? Какая Надя, говорит, не было никакой Нади. Слово за слово, выяснили, что в тот день, перед праздниками, вызвали его срочно в командировку в Москву. Там он три дня пробыл, приехал – никого нету. Да он и позабыл про наш уговор. Думал – мало ли, почему не приехала она. Ну, тут, конечно, он домой позвонил – такому человеку без связи никак нельзя. Жена говорит – не было никакой девушки, не приходила, не приезжала.

Я как узнал про это – все бросил, рванул на вокзал. В поезде так худо мне стало, всякие страхи себе воображал. Вышел на вокзал, только огляделся – откуда-то машина взялась. Я – туда-сюда, тут меня и переехало. Хорошо хоть не до смерти. Лежу тут и света не вижу. Неужто, думаю, пропала моя дочка? Вот как чуял – не нужно было ее в город отпускать.

– Так-так... вот и к делу подошли, – я строго взглянула на дядю Васю, и он тотчас малодушно отвел глаза.

– Василиса, – заговорил Егор Иванович, – мы тут с Василием поговорили, сказал он мне, что у него детективное агентство. Вот я и хочу нанять человека, который мою дочь

найдет! Ведь не может такого быть, чтобы человек бесследно пропал!

– Может, – тяжело вздохнул дядя Вася после некоторого молчания, – ты, Егор, человек бывалый, в обморок не упадешь. Так вот я тебе скажу, что только по официальной статистике в России ежегодно бесследно исчезают тридцать тысяч человек. А по неофициальной – и того больше.

– Не нужно терять надежду, – вступила я, – мало ли что с Надей случилось, может, вот как вы в больнице лежит, сообщить о себе не может.

– Христом-богом тебя прошу, дочка, разузнай ты все, что сможешь! Василий тебя очень хвалил, сколько нужно – столько сотрудников и подключаай, деньги у меня есть!

Я покосилась на дядю Васю – это что еще за новости? Он не сказал клиенту, что нас в агентстве всего двое. Кого я еще могу подключить – Бонни, что ли? Вот, кстати, о Бонни – животное у меня в совершенном запустении.

– Хм... – Дядя Вася понял, что я не стану его разоблачать, и начал руководить: – Значит, тезка, принесешь завтра типовой договор, мы подпишем и выработаем план действий.

– Что тут вырабатывать? – отмахнулась я. – Егор Иванович, вы уверены, что Надя вас послушалась и поехала на квартиру к этому... как его...

– Боровик Михаил Сергеевич, – с готовностью заговорил старик, – ему не верить я тоже не могу, много лет его знаю.

– Значит, нужно с его женой поговорить, – подал реплику

дядя Вася, за что получил от меня не слишком любезный взгляд.

– К вам только после обеда пускают, – сказала я, поднимаясь, – так чтобы время не терять, я с утра туда схожу. Аванс завтра дадите, когда договор подпишем.

– Василиса, вот еще к тебе просьба, – Егор Иванович смутился, – купи ты мне халат. Не могу я, как Петюня, в рванье ходить, а штаны на этакую махину не налезают, – он кивнул на гипс.

– А вам разве вставать можно?

– Да можно, вон с костылем хоть до лестницы доковыляю, а то курить хочется – сил нет!

Я выглянула в коридор. Медсестра, разносившая лекарства, скрылась в соседней палате, тогда я юркнула на лестницу, бегом спустилась вниз и толкнула входную дверь. Заперто. Я приуныла, но тут дверь открыли снаружи, и вошла толстая тетка в несвежем белом халате.

– Ты куда это? – заорала она, когда я намылилась проскользнуть в дверь.

– Выйти...

– Не положено! – отрубила она злорадно. – Тут только для персонала!

– А вот так сгодится? – я показала ей краешек купюры.

– Сто рублей не деньги! – отмахнулась она.

– Тетя, имейте совесть! – возмутилась я. – Кто бы мне платил сто рублей за то, что дверь открою!

– Вот за «тетю» точно не пущу! – Она, пыхтя, оттирала меня от двери.

– Да отвали ты, корова! – Я сама не ожидала от себя такой злости.

Тетка неожиданно прекратила сопротивление, и мы с ней вылетели на воздух, а дверь захлопнулась. Пока она ковырялась с ключами, я ушла.

Бонни встретил меня очень недовольным, но я тут же с порога наябедничала ему на дядю Васю, какой он хитрый, свалил на меня всю работу и еще задержал так поздно. Бонни мне не поверил, он очень любит дядю Васю.

Утром была прекрасная погода, светило солнышко, деревья тянули к нему ветки с проклюнувшимися клейкими личинками.

«Скобелевский проспект, дом четырнадцать, квартира тридцать два», – записал мне адрес Егор Иванович.

Проспект я нашла без труда. Однако за двенадцатым домом сразу последовал шестнадцатый. Четырнадцатого не было. Я растерянно разглядывала табличку, когда меня окликнула старушка интеллигентного вида:

– Девушка, вы что ищете?

– Дом номер четырнадцать, – честно ответила я.

– А, так это «Летучий голландец»!

– Что? – переспросила я удивленно.

– Да так здесь этот дом называют, – старушка показала на

сквер между двумя домами. – Идите туда, этот дом стоит в сквере.

Я поблагодарила ее, углубилась в сквер и действительно увидела в его глубине новый восьмиэтажный дом, формой напоминающий парусный корабль. Я невольно залюбовалась им. Дом плыл среди деревьев, как белоснежный парусник среди зеленых морских валов.

На двери подъезда, разумеется, был домофон. Я набрала номер квартиры, на ходу придумывая, под каким предлогом пройти внутрь, но никакой предлог мне не понадобился: замок щелкнул, и меня впустили в дом без всяких расспросов.

Поднявшись на шестой этаж, подошла к двери квартиры, нажала на кнопку звонка – и дверь тут же распахнулась.

На пороге стояла дамочка лет примерно пятидесяти в довольно коротком шелковом халате и в розовых тапочках с помпонами. Рыжие волосы были накручены на бигуди, лицо намазано чем-то сине-зеленым, но дама ничуть этого не стеснялась. Она смотрела на меня каким-то странным изучающим взглядом.

– Марья Филипповна? – спросила я, почувствовав себя под этим взглядом как-то неуютно.

Что делать дальше, я совершенно не представляла.

– Да, это я, – ответила дама и отступила на шаг, чтобы осмотреть меня с головы до ног. – А ты от Ксении Борисовны.

Это был не вопрос, а скорее утверждение, поэтому я бла-

горазумно промолчала.

– Молода, конечно, – проговорила дама неодобрительно, как будто моя молодость была большим недостатком. – Ну да ладно, сойдет... заходи, можешь сразу приступать.

Я хотела было переспросить – к чему, но вовремя прикусила язык и снова промолчала. Впрочем, вопрос почти сразу прояснился сам собой: Марья Филипповна подвела меня к кладовке и показала:

– Вот тут пылесос, швабра, ведро... вот тут, на полке, порошки, моющие средства и все остальное, что тебе может понадобиться. Надеюсь, ты в этих вещах разбираешься!

Все ясно, она приняла меня за приходящую уборщицу, которую должна была прислать ей какая-то знакомая! Но однако... – мимоходом я погляделась в зеркало в коридоре. Неужели меня можно принять за уборщицу?

Собираясь сегодня на разведку, я оделась поскромнее. Это дядя Вася так учил – ничего яркого, ничего оригинального, чтобы никто тебя не запомнил. В рванье тоже нельзя – такому человеку доверия нету, и никто ему ничего не расскажет. Вот я и надела джинсы, курточку и кроссовки. Это чтобы удобнее в случае чего удирать было, а то мало ли – в самый нужный момент каблук отвалится. Но все же джинсы дорогие, куртка тоже приличной фирмы... обидно как-то. С другой стороны, я на работе, и это дает мне возможность осмотреться в квартире и кое-что разузнать. Хорошо, что я промолчала и не вышла из образа. Главное теперь – помал-

кивать, чтобы не выдать себя каким-нибудь лишним словом. Впрочем, кое-что мне все же придется у нее спросить...

– Марья Филипповна, а у вас есть резиновые перчатки?

– Свои надо приносить! – строго ответила она, однако все же выдала перчатки из личных запасов.

Работая в детективном агентстве, мне часто приходилось действовать под прикрытием – устраиваться то продавщицей в цветочный магазин, то секретаршей в коммерческую фирму. Сейчас придется поработать уборщицей, ничего страшного. Тем более что хозяйка меня явно ничуть не стесняется и может выложить что-нибудь интересное... Только бы настоящая уборщица не пришла, будет неловко...

Квартира у Боровиков была большая – три огромных комнаты, еще холл, где стояла мягкая мебель и столик. И коридор, и два санузла, и кухня, напичканная разными приборами, в общем, работы непочатый край.

Прежде чем допустить меня до работы, хозяйка провела предварительный инструктаж. Она долго и подробно перечисляла все, что я должна вычистить, вымыть и протереть, еще дольше объясняла, какое все здесь дорогое и хрупкое, и что если я что-нибудь сломаю или испорчу – мне придется оплатить это из своего кармана.

Под конец она взглянула на меня с откровенной неприязнью и добавила:

– И имей в виду – я зря денег не плачу! Все должно быть убрано и вымыто на совесть!

В это время в дверь квартиры позвонили. Я поежилась – наверняка это настоящая уборщица, сейчас меня выставят, хорошо, если в милицию не сдадут. Но из коридора слышался мужской голос.

– Тебе чего? – недовольно спросила хозяйка. – Отчего не позвонил?

– Да так, решил зайти, тетку навестить...

В коридоре стоял здоровый мордатый парень. Он окинул меня нагловатым взглядом, впрочем, так, по привычке, не имея в виду ничего плохого.

– Сколько раз просила, чтобы ты меня теткой не звал! – сказала хозяйка. – Ну проходи, что ли, Виталик...

Они скрылись в гостиной, а я перевела дух – разоблачение мне пока не грозит.

Я начала уборку с кухни. Вымыла плиту, протерла металлическую вытяжку, столешницу, дверцы шкафов. На полочке справа от плиты стояли какие-то сувенирные статуэтки – керамические и стеклянные фигурки мышей и лягушек. Наверняка дешевые сувениры, купленные в заграничных поездках. Я сняла их, чтобы вытереть пыль с полки, и сзади, возле самой стены, увидела очень красивую глиняную куколку, раскрашенную белым и красным. В ней чувствовался вкус, и сделана она была с большим мастерством.

Почему же такую красивую вещь хозяйка задвинула в самую глубину, с глаз подальше? И где я видела что-то очень

похожее?

Не успела я додумать эту мысль до конца, как ко мне подскочила Марья Филипповна и раздраженно проговорила:

– Что ты там роешься?

И ведь подкралась неслышно в своих мягких тапках!

– Да ничего, – я взглянула на нее удивленно. – Пыль хотела вытереть на этой полке...

– Вытерла? Вот и поставь все обратно, как было!

Я недоуменно пожала плечами и расставила все статуэтки в прежнем порядке. При этом невольно задержала в руке красно-белую глиняную куколку.

Где же я ее все-таки видела?

Ой, ну совсем с памятью беда!

Точно такую куклу показывал мне вчера Егор Иванович, только та была в малиновом платье, а эта в красном. Он еще сказал, что этих кукол расписывала Надя. И правда, личико у куклы было такое забавное и выразительное, что хотелось улыбнуться. И если бы я увидела такую куклу в магазине, то обязательно бы ее купила. И поставила бы ее на видное место, и смотрела бы каждое утро, чтобы прийти в хорошее настроение.

Но откуда здесь взялась эта кукла, если Надя не появлялась в квартире Боровиков?

Я осторожно поставила куклу на прежнее место и вдруг почувствовала спиной чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, увидела в дверях кухни Виталия. Он стоял, присло-

нившись к дверному косяку, но смотрел вовсе не на меня, а на красно-белую куколку в моих руках. Серьезно так смотрел, даже испуганно.

Марья Филипповна перехватила его взгляд и нахмурилась.

– Маша, ты чего эту дрянь не выкинула? – проговорил Виталий напряженным голосом.

Хозяйка фыркнула, вышла из кухни, по дороге подхватив племянника за локоть, но далеко не ушла, остановилась в коридоре, и до меня донесся ее приглушенный голос:

– Ты, Виталик, смотри у меня, не болтай лишнего! Михаил Сергеевич все спрашивает, не заходила ли к нам та девочка. Так вот смотри, чтобы помалкивал! Если он что спросит – ты ничего не знаешь и ее в глаза не видел!..

– А я что? – забормотал в ответ племянник. – Я ничего... я тут вообще не при делах... я и правда ничего про нее не знаю, совсем ничего... это ты ее выпроводила...

– А что я, должна была в свой дом эту вертихвостку пустить? Чтобы она перед Михаилом Сергеевичем задом крутила? Мужчину нужно от лишних соблазнов ограждать! Между прочим, она с тобой ушла, так что ты про нее больше моего знать должен!

– Да ничего я не знаю! – огрызнулся Виталий и перешел на шепот. Дальше я, как ни прислушивалась, ничего не смогла расслышать, хотя и перебазировалась поближе к двери.

Впрочем, скоро разговор родственников принял другое

направление, Виталик принялся клянчить у тетки денег.

– Ну, Маша, – ныл он, – ну одолжи хоть пару тысяч...

– Одолжи! – фыркнула она. – Да ты никогда не отдаешь! Если бы я считала, да проценты брала, давно бы уж разбогате-
тела! Куда ты их только деваешь?

– Ну, я парень молодой, могу развлечься... – самодовольно хрюкнул Виталик, – девушку в кафе пригласить...

– Вот не доведут тебя девицы до добра! – посулила тет-
ка. – Ладно, в последний раз. Только у меня в доме денег
нету, ты же знаешь. Посиди тут, пока я в банкомат схожу. Да
присматривай за уборщицей-то...

Виталий вернулся на кухню и сел пить чай. Он по-хозяй-
ски вытащил из холодильника сыр, масло, колбасу, из буфета
– два вида печенья и конфеты. Намазал большой кусок бул-
ки неприлично толстым слоем масла, сверху положил сыр, а
сверху еще колбасу. Да, а вес-то у него явно лишний, пузо
над ремнем нависает. Но он мне нужен по делу – он видел
Надю. И непременно мне об этом расскажет.

– На пол не сыпь! – сказала я недовольно. – Только убра-
ла...

– Не бойсь, я аккуратно! – сказал Виталик.

Я немного покрутилась вокруг него, то строя ему глазки,
то, как бы ненароком, задевая его или поворачиваясь к нему
наиболее выигрышной стороной своей фигуры, для верности
даже расстегнула верхние пуговицы блузки. Скоро моя при-
митивная тактика принесла свои плоды, и Виталий начал по-

смаатривать на меня с несомненным интересом. Он потащился за мной в ванную и там внимательно смотрел, как я, наклонившись, отмываю джакузи. Очевидно, вид сзади произвел на Виталика большое впечатление, потому что он даже легонько ущипнул меня за попу.

Тут в квартире снова появилась Марья Филипповна и с первого взгляда оценила диспозицию.

– Ты что тут вертишься? – процедила она недовольно. – Тебя для чего наняли – в квартире убираться или перед мужиком задом своим тощим вертеть?

– Да ладно тебе, Маша, ничего она не вертит... – попытался вступить за меня Виталий, но тетка только шикнула на него.

Я прихватила свои орудия труда и с оскорбленным видом перебралась в коридор, а Виталик после сытной еды отправился в гостиную, чтобы, я так понимаю, соснуть на диване под бормотание телевизора. Вот интересно, он что, вообще никуда не торопится?

Особенно стараться не стала и часа через полтора закончила уборку, Виталик незадолго до этого нежно распрощался с тетужкой и отправился вон, подмигнув мне напоследок.

Марья Филипповна оглядела результаты моего труда и осталась недовольна.

– Имей в виду, – сказала она, с брезгливой гримасой отсчитывая деньги, – больше ты в моей квартире не появишься! Мне такая уборщица не нужна, так и передай Ксении Бо-

рисовне!

– Не больно-то и хотелось! – огрызнулась я. – За такие гроши еще надрываться... Бумажка-то рваная, поменяйте!

– Обойдешься! – И она чуть не силой вытолкала меня за дверь.

– Чтоб тебе от жадности задохнуться! – сказала я напоследок, но слова заглушил шум хлопнувшей двери.

На лестничной площадке я слегка задержалась, и мои ожидания не были обмануты: не прошло и минуты, как с нижней площадки выглянул Виталий.

– Ты уже идешь? – обрадовался он. – Молодец! Ты на тетю Машу не обижайся, она тетка неплохая, просто не любит молодых девушек, – он хохотнул. – Своя-то молодость прошла, не вернешь, вот и обижается... кроме того, за мужа своего переживает, он у нее мужчина видный... А тебя как зовут?

– Ва... Валя, – в последний момент я решила не называть свое настоящее имя.

– Редкое имя – Валентина, – удивился он, ухватив меня за локоть. – А где ты живешь?

– Далеко, – ответила я, чтобы не подавать ему лишних надежд. – В другом конце города.

– Это плохо! – вздохнул он. – А что, Валюнчик, не зайти ли нам куда-нибудь, чтобы отметить наше случайное знакомство? Кофе выпить, пирожное съесть? Ты пирожные любишь?

– Сахарные трубочки с кремом! – проговорила я мечта-

тельно.

– Будут тебе трубочки!

Мы вышли из подъезда и вскоре оказались в небольшом, довольно уютном кафе. Вместо обещанного кофе Виталий заказал бутылку недорогого вина и то и дело подливал в мой бокал. Как только он отворачивался, я отливала вино в кядку с искусственной пальмой, но старательно делала вид, что быстро пьянею.

– Такая симпатичная девушка, а работаешь уборщицей! – разливался соловьем Виталий. – Это непорядок! Ты достойна большего!

– А что я могу? – вздыхала я, подпирая щеку кулаком. – Связей и знакомств у меня нету, образование хорошее получить не успела... Куда податься? В продавщицы боюсь – навесят недостачу, всю жизнь не рассчитаешься...

– Да с твоей внешностью можно куда хочешь устроиться! – не унимался этот доморощенный донжуан. – Хоть секретаршей в хорошую фирму, хоть... хоть в модельный бизнес!

– Да что ты? – недоверчиво улыбалась я. – Кто же меня возьмет в модели? Я девушка простая, неученая... связей у меня нету...

– Насчет связей – это ты не беспокойся! – Он взял меня за руку, проникновенно заглянул в глаза. – Связи у тебя будут, это ты мне поверь! Вот поехали прямо сейчас ко мне домой...

– Да ты что! – Я изобразила на лице возмущение и отобрала у него руку. – Я девушка честная! Мы с тобой только сегодня познакомились – и сразу домой?

– Да ты что подумала?! – Он округлил глаза. – Я же не насчет чего-нибудь, я тебе помочь хочу! У меня друг в модельном бизнесе, я тебя с ним познакомлю!

Я дала себя уговорить довольно быстро, и мы отправились к нему домой. Это Виталику, может, спешить некуда, а я на работе нахожусь, мне к трем часам в больницу надо, дяде Васе докладывать.

По дороге я то и дело спотыкалась, висла на плече Виталика и слишком громко смеялась его примитивным шуткам.

В общем, у него сложилось впечатление, что я – очень легкая добыча, и поэтому, едва за нами закрылась дверь его квартиры, Виталик принялся меня радостно лапать.

Тут его ожидал неприятный сюрприз: я решительно отпихнула его и для большей определенности легонько ткнула кулаком в пивной живот.

Впрочем, отпор его скорее удивил, чем расстроил.

– Эй, ты чего? – Он округлил глаза и прижал меня к стене. – Ты это что это выпендриваешься? Вино пила, трубочки ела, а теперь строишь из себя не знаю что? Продинамить меня вздумала? Ну уж нет, дудки, не на такого напала!

– Ты же про друга говорил, – напомнила я. – Насчет модельного бизнеса! Обещал меня с ним познакомить.

– Чего?! – Он расхохотался. – В модели захотела? Да ты

в зеркало на себя посмотри! Тоже мне, Клава Шиффер, поломойка деревенская!

– Зря ты так с девушкой! – проговорила я укоризненно. – Тебя что, в детстве совсем не воспитывали? Не говорили, что с девушками нужно обращаться вежливо?

– Тоже мне, сахарная трубочка! – хмыкнул он. – Да кто ты такая, чтобы с тобой церемониться? Да тебе самой понравится! Ты меня потом еще благодарить будешь! – И он потащил меня в комнату.

Мимоходом оглядевшись, как учил дядя Вася, я определила, что комната у него одна, квартирка вообще была маленькая и очень запущенная. В комнате находилась широкая незастеленная кровать, от вида серых простыней меня тут же затошнило.

Но работа есть работа, пришлось взять себя в руки.

Я решила, что настало время для более решительных действий, и провела один нехитрый прием, что показал мне дядя Вася на «курсах молодого бойца», которые он устроил для меня в самом начале нашей совместной работы.

В результате этого приема Виталий оказался на полу с правой рукой, заломленной за спину, а я сидела у него на спине с самым невозмутимым видом. Конечно, парень он здоровый, и в открытом бою мне бы с ним не справиться, но в данном случае этот урод просто не ожидал нападения. И потом, мускулы у меня тоже ничего – попробуйте ежедневно сдерживать рвущегося с поводка бордоского дога, здоро-

во натренируетесь.

– Ты чего – сдурела? – пыхтел Виталик снизу. – Я... того... я сейчас милицию вызову!

– Милицию? – переспросила я с неподдельным интересом. – А что, давай! Я им расскажу, что ты силой меня затащил в квартиру и попытался изнасиловать!

– Да кто тебе поверит! – хрипел он. – Подумаешь, какая-то деревенская дура, без связей и знакомств...

– Насчет связей и знакомств – это ты зря, – возразила я. – Никогда не верь тому, что болтает девушка за бокалом вина! Связи и знакомства у меня имеются, а вот тебе придется рассказать им, куда подевалась девушка Надя, которая ушла с тобой из квартиры Боровиков и бесследно пропала! Ты, между прочим, последний, кто ее видел...

– Да кому она нужна!..

– Как это – кому? Отец ее из деревни приехал, подал заявление на розыск. Так что лучше расскажи мне все, что про нее знаешь, а то и правда придется тебе иметь дело с милицией! Думаешь, тетка тебя покрывать станет? Да я тебя умоляю, ей неприятности не нужны! Ты Надю последний видел – с тебя и спросят!

– Да кто ты такая?! – пропыхтел он удивленно. – Ты не уборщица, что ли?

– Надо же, какой догадливый! – промурлыкала я и чуть сильнее нажала на его руку.

– Ой! – взвыл он. – Отпусти, больно же!

– Да что ты говоришь? А я думала, что тебе понравится! Я думала, ты меня благодарить будешь! Так ты мне, кажется, обещал?

– Ну, извини... – бормотал он. – Я зря это... я думал, ты сама не против... только отпусти, очень больно!

– Я тебя отпущу, если ты мне честно и подробно расскажешь, что случилось с Надей после того, как вы с ней ушли из теткиной квартиры.

– Расскажу! Я тебе все расскажу! – пообещал Виталик в панике, видно, руке было и вправду больно.

Я вздохнула и отпустила его.

Виталий, кряхтя, поднялся с пола и принялся растирать руку. Я наблюдала за ним без всякого сочувствия.

– Ну так что, – проговорила я, когда пауза затянулась. – Мы с тобой, кажется, договорились? Или нужно повторить?

– Не нужно, – он опасливо взглянул на меня. – Да кто же ты все-таки такая? Вроде не из милиции...

– Извини, дорогой, но, как говорят в милицейских сериалах, вопросы здесь задаю я, а не ты. И я свой вопрос уже задала. Куда вы с Надей пошли из теткиной квартиры? Впрочем, можешь начать с того, как ты увидел Надю... И не вздумай говорить, что ничего не помнишь, всего-то чуть больше трех недель прошло с того дня.

– Ну, пришел я тогда к тетке, как сегодня. Родня все-таки...

– Угу, денег просил, – вставила я, и Виталик недовольно

засопел.

– Сидим с ней, чай пьем с конфетами, а тут звонок в дверь. Тетка, значит, пошла открывать, и я за ней. И вижу – стоит девчонка с чемоданом, одета, конечно, так себе, сама пони-маешь, только что из деревни. Но из себя, конечно, очень красивая... ну, ты же знаешь!

Я неопределенно хмыкнула. Он продолжил:

– Тетя Маша ее спрашивает – вы кто? К кому? А та и отве-чает: я, говорит, Надя Боровик, Михаилу Сергеевичу даль-няя родня, приехала из деревни Забродье... Тетка аж пере-косилась. «Прямо, – говорит, – из своего Забродья к нам в квартиру?» А Надя ничего не почувствовала. «Ага, – гово-рит, – прямо к вам. У меня здесь, кроме вас, нет ни родствен-ников, ни знакомых, так нельзя ли мне у вас остановиться ненадолго, пока в училище общежитие не дадут?»

Тетка моя прямо задохнулась, даже дара речи лишилась. А Надя как ни в чем не бывало продолжает: «Вам, – гово-рит, – от Егора Ивановича привет, и вот сувенир от него...» – и ту куколку протянула, которую ты видела. Тетя Маша куколку в карман сунула, а сама на Надю двинулась. «Ты, – говорит, – за кого меня принимаешь? У меня не постоянный двор и не частная гостиница или пансионат! Мне здесь вся-кие посторонние люди не нужны!» – «Как же так, – Надя ей отвечает, – мы же вроде с вами не чужие люди... родня, хоть и дальняя... И Михаил Сергеевич отцу обещал...»

От этих слов тетка моя еще больше разошлась.

«Родня, – говорит, – вашему забору троюродный плетень! Что же я теперь, все это ваше Забродье должна у себя принимать? Я тебя вообще первый раз вижу! Может, ты воровка или еще похуже, а я тебя должна в свой семейный дом запустить? Пусти, – говорит, – козла в огород! То есть козу!»

Надя покраснела, лицом переменялась и вылетела из квартиры как ошпаренная. Я было хотел за нее вступиться, да уж поздно было. Ну, тогда я собрался быстренько и тоже пошел. Еще застал Надю на улице возле дома. Она стояла с чемоданом своим и по сторонам оглядывалась – не знала, куда податься...

– Ну, ты и решил, что она – легкая добыча! – вставила я.

– Ничего я не решил, – обиженно возразил Виталий. – Я ей помочь хотел, все ж таки девушка одна в незнакомом городе...

– К тому же такая красивая...

На эту провокацию он не поддался и продолжил свой рассказ:

– Я ей и говорю: ты на тетю Машу не обижайся, она вообще-то тетка неплохая, только не любит молодых девушек, очень за мужа своего волнуется...

– Слышали уже! – перебила я его. – Ты к делу переходи!

– К делу так к делу... в общем, пригласил я ее в кафе, покормил... она ведь с дороги, проголодалась...

– Вина взял... – добавила я.

– Ну, и что с того? – Он взглянул на меня исподлобья. –

Если даже и взял?

– А потом небось домой к себе привел? Как меня сегодня?

– Ну да... ей же надо было где-то остановиться, вещи хоть оставить... – Он опустил глаза. – Только она убежала...

– Ага, когда поняла, чем ей придется с тобой за жилье расплачиваться! – проговорила я возмущенно. – Ну ты и козел! Девушка одна в чужом городе, а ты решил воспользоваться ее безвыходным положением!..

Виталик молчал. Возразить ему было нечего.

– Ну, хоть о чем вы с ней говорили?

– Когда?

– Да хоть в кафе! Ведь не сидели же вы молча! Или ты ей, как мне сегодня, заливал про своих друзей в модельном бизнесе?

– Ну да, о чем-то говорили... – Виталий задумался. – Да не помню, ерунда какая-то...

– Ну, может, она говорила, зачем приехала, какие у нее планы, что собирается делать?

– Не помню! – Он сморщился, потер переносицу. – Вот, спрашивала почему-то, как проехать в Зареченск...

– Зареченск? – насторожилась я, вспомнив рассказ Егора Ивановича. – А не говорила она, что собирается там делать?

– Нет, ничего не говорила...

– Ну, а дальше-то что было?

– Дальше? Дальше ничего не было! Я ее после этого больше не видел, даже за чемоданом не зашла!

– Что?! – Я удивленно уставилась на него. – Она оставила у тебя свой чемодан?!

– Ну да, – ответил он как ни в чем не бывало.

Нет, все-таки он самый настоящий козел! До того довести девушку, что она сбежала от него, бросив все свои вещи! И даже потом не зашла за ними...

– Покажи этот чемодан! – потребовала я.

Виталий что-то недовольно заворчал, но я сделала вид, что собираюсь повторить свой коронный прием, и он тут же кинулся в коридор. Подставив стул, залез на антресоли и достал оттуда небольшой, очень старый и потрепанный чемоданчик.

– Вот он, ее чемодан!

Я не стала при нем его открывать. Ни к чему этому подонку знать лишнее. Забрала чемодан и собралась уходить, напоследок предупредив Виталия, чтобы никому не вздумал рассказывать о нашей с ним сегодняшней встрече и плодотворной беседе.

Впрочем, он и сам не собирался об этом распространяться – кому же охота рассказывать, как тебя отлупила представительница «слабого пола»!

– Скотина ты! – с чувством сказала я уже из лифта. – Довести девчонку до того, что она сбежала в чем есть, даже вещи не взяла! Теперь если с ней что случилось, то ходи да оглядывайся, как бы кирпич на голову не упал или люк под ногами не открылся!

Виталик ничего не ответил.

Дома меня встретил Бонни. Сперва он кинулся ко мне с намерением облизать с ног до головы, но на полпути вдруг остановился и грозно зарычал.

– Ты что, Бонечка, ты что, не узнаешь меня? Ты не рад мне? – спросила я удивленно.

Бонни пару раз махнул своим здоровенным хвостом, чтобы показать, что мне-то он рад, его отношение ко мне не изменилось за время нашей непродолжительной разлуки. При этом он, как уже не раз бывало, смахнул с тумбочки телефон. Однако, продемонстрировав свои чувства ко мне, снова зарычал. На этот раз я поняла, что рычит он не на меня, а на Надин потрепанный чемодан.

– Вот оно что! – проговорила я, задумчиво разглядывая этот чемоданчик. – Может быть, от него пахнет другой собакой...

Услышав знакомое слово, Бонни снова рыкнул.

Первым делом я, конечно, покормила Бонни, а потом открыла чемодан и приступила к изучению его содержимого.

Конечно, в чемодане были кое-какие женские вещички – несколько блузок, футболок, пара свитеров, белье, косметика. Все бедноватое, немодное, простенькое – это неудивительно, ведь Надя жила в глухой деревне, да еще и без матери.

Но на дне чемодана я нашла кое-что более интересное.

Там лежали несколько глиняных кукол – примерно таких, как те, которых я видела у Егора Ивановича и в квартире Боровиков – и два больших альбома с рисунками.

Куклы были знакомые, только в других платьях и с разными выражениями лиц. Была кукла печальная, заплаканная, и уголки губ опущены. Глядя на эту куклу, хотелось пригорюниться и сидеть у окна, тоскуя, как Царевна Несмеяна. Была кукла счастливая, как говорят – «рот до ушей, хоть завязочки пришей!» Готова прозакладывать что угодно, что если в доме на видном месте будет стоять такая кукла, то всей семье будет хорошо – муж не станет ругать жену за подгорелую кашу и пересоленный суп, дети не станут ныть по утрам, собираясь в школу, собака не будет писать на коврик у двери, а кот не станет линять на новое покрывало. Удивительный у девушки талант!

Потом я разложила рисунки на полу в гостиной и принялась их рассматривать.

Честно говоря, я не очень-то разбираюсь в рисовании и живописи, но тут еще раз убедилась, что у Нади большой талант. Все рисунки были очень выразительные, живые, я как будто своими глазами увидела то, что окружало Надю в ее прежней, деревенской жизни.

Здесь были нарисованы бедные покосившиеся домики на краю темного леса, припорошенные снегом дровяные сараи, замшелый колодец с журавлем, старый дуб с грубой, морщинистой корой, напоминающий мрачного, угрюмого, мол-

чаливого старика, склонившаяся над ручьем плакучая ива, красивая задумчивая корова, чумазый мальчишка с самодельным корабликом в руке, свернувшаяся клубком дворняга, просто спутанная ветром трава с несколькими затерявшимися в ней полевыми цветками.

Видно было, что все это Надя рисовала с натуры, но в ее рисунках не было скучного правдоподобия, напоминающего ученическую фотографию, – в каждый штрих, в каждую линию она вложила часть своей души, часть себя, поэтому и деревья, и дома, и травы на ее рисунках казались живыми, одушевленными.

Во втором альбоме были собраны портреты Надиных односельчан. В основном здесь были старики и старухи, видно, молодежи в их деревне почти не осталось.

Я сразу узнала Егора Ивановича – его лицо было схвачено очень точно, с характерным выражением недоверия и печали. Его Надя рисовала чаще других – видно, ей было проще уговорить его позировать, чем остальных односельчан. Были тут портреты собаки – той самой крупной и чрезвычайно пушистой дворняги. Собака была нарисована с большой любовью, несомненно, это была Надина собака. Вот отчего так недоволен Бонни!

Я отложила в сторону просмотренные рисунки и увидела следующие, которые очень отличались от остальных. От этих рисунков на меня повеяло зимним холодом и каким-то непонятным страхом, прямо мороз пошел у меня по коже.

На первом рисунке была скупо, буквально несколькими точными штрихами нарисована зимняя ночь. Заснеженные кусты, сугробы, следы на снегу, и от всего этого веяло жутким холодом и одиночеством. На этом рисунке не было людей, но я почему-то почувствовала, что скоро они должны появиться.

И действительно, на следующем рисунке появилась женщина. Она бежала по той же заснеженной равнине, прижимая к себе какой-то сверток.

Какой?

По той нежности, бережности, с которой она прижимала этот сверток к груди, я поняла, что это – ребенок, совсем маленький, может быть, новорожденный. И еще... во всей фигуре женщины, в ее движениях, в повороте головы чувствовался страх. Страх и безнадежность. Она убегала от кого-то и не надеялась убежать. Погоня еще не была видна на рисунке, но в каждой детали чувствовалось ее неотвратимое приближение.

А на следующем рисунке та же женщина тянула руки из проруби, точнее – из полыньи, рот ее был раскрыт в беззвучном крике...

И еще один рисунок.

Заснеженный куст, а под ним, на обледенелой земле, лежит завернутый в одеяльце ребенок.

На пол рядом со мной плюхнулся Бонни. Он уставился на Надины рисунки и вдруг запрокинул свою огромную голову

и завыл.

– Бонни, прекрати сейчас же! – строго прикрикнула я на него. – Имей совесть! Соседи подумают, что у нас что-то случилось, и вызовут милицию! Объясняйся потом с ними...

Бонни посмотрел на меня с недоверием – да ладно тебе, что, соседи меня не знают, что ли... Но выть все же прекратил.

А я еще раз перебрала эти рисунки и поняла, что это такое.

Эту серию Надя рисовала не с натуры. Она изобразила здесь события той трагической ночи, о которой мне рассказывал Егор Иванович. Ночи, когда погибла ее родная мать, а он подобрал крошечную девочку, которой суждено было стать его дочерью.

Значит, Надя знала тайну своего рождения... Интересно, от кого...

– Вот так вот, – закончила я свой рассказ и протянула Егору Ивановичу папку с рисунками.

Надин чемодан я оставила у себя, а рисунки принесла в больницу.

– Ох, чуяло мое сердце, не нужно было ее в город отпускать! – Егор Иванович застонал и дернул себя за бороду. – Ох, доченька моя! Ох, люди какие тут злые! Ох, не увижу тебя больше, Наденька, светик мой ясный!

– Спокойно, Егор! – сказал дядя Вася. – Не пори горячку!

Новые обстоятельства в деле вскрылись. Сам говорил – дочка твоя умница и рассудительная. Ни на какие посулы после того подлеца Витальки она бы не повелась. И с ним-то пошла только потому, что родней посчитала, так?

– Так...

– Стало быть, куда она могла пойти? Зачем она в город приехала? В художественное училище поступать?

– В училище она бы без рисунков не сунулась, – ввернула я.

– Правильно! – обрадовался дядя Вася. – Не зря она про Зареченск расспрашивала. Значит, собиралась туда ехать, поглядеть на те места, где родилась, может быть, о матери своей узнать.

– Не могла она ничего про Зареченск знать! – вскинулся Егор Иванович.

– А эти рисунки вы как объясните? – Я подвинула ему папку.

– Это, видать, сестра Анна ей перед смертью все рассказала, – после долгого молчания сказал Егор Иванович.

Он сгорбился и выглядел древним стариком, хотя, как я знала, было ему едва за шестьдесят.

– Точно она, больше некому. Надя за ней ухаживала, много времени с ней проводила. Анна как болеть начала, так со мной разговор этот завела – надо, мол, девочке рассказать про то, как мать ее умерла. Она, мол, теперь взрослая, должна знать. Я тогда накричал на нее – не вздумай, говорю, ни к

чему про тот кошмар и вспоминать. Девчонке только душу бередить, все равно мы толком ничего не знаем – кто была та женщина, почему ее те бандиты преследовали... Анна спорить со мной не стала, сил у нее мало было. А потом, видишь, по-своему сделала. Заморочила голову девчонке, вот она и решила сама в этот Зареченск ехать. И что она там узнала, куда потом делась?

– Пока туда не съездим – не узнаем, – решительно сказала я, – в общем, так. Завтра еду в Зареченск. Найду там больницу, родильное отделение. Хоть и двадцать лет прошло, а в архиве должны сведения сохраниться о Надежде Сарафановой, которая родила девочку десятого декабря одна тысяча девятьсот девяносто второго года. И про Надю расспрошу. Если была она там, то скажут. Может, они ее куда направили...

– Пожалуй, поспрашиваю своих коллег бывших насчет разных происшествий... – неуверенно заговорил дядя Вася, – хотя там майские праздники вскоре начались...

Я-то сразу поняла, к чему он клонит. Собирается поинтересоваться, не находили ли перед праздниками подходящих трупов. Но, во-первых, после праздников в городе обычно творится полное безобразие, а во-вторых, могли ведь девушку увезти куда-нибудь за город и бросить там...

Но дядя Вася говорил так неуверенно совсем по другой причине. Его бывшие коллеги не слишком приветствовали его занятие частным сыском, очевидно, думали, что он гре-

бет деньги лопатой, и завидовали. Не все, конечно, но многие. Дело дошло до того, что начальство буквально запретило коллегам общаться с дядей Васей. И два наших знакомых капитана, Творогов и Бахчинян, помогали дяде Васе с большой неохотой – кому же понравится, когда тебя ругает начальство.

Иное дело – я. У меня с капитанами просто дружба, причем с Бахчиняном – простая, а с Лешей Твороговым – нежная и романтическая.

Это я так думаю. Что думает Леша – неизвестно. Какое-то время он пытался за мной ухаживать и раза четыре признавался в любви. То есть опять-таки только пытался это сделать, я вовремя сумела перевести разговор в другое, более безопасное русло. Леша – парень хороший, но жизнью затюканный, в работе – смелый и решительный, а в личной жизни – робкий и косноязычный. Во всяком случае, я не хочу выходить замуж за человека, который начинает признание в любви со слов «ну это... блин...». И Бонни никогда его не примет, потому что ревнует меня и потому что у Леша дома живет кот.

Сейчас дядя Вася поглядел на меня вопросительно, я же сделала каменное выражение лица. В самом деле, ну что мне – разорваться, что ли? В конце концов он взял заказ, так пускай хоть что-то сделает.

Условились, что завтра с утра я еду в Зареченск, вернуться постараюсь не поздно и забегу к ним. Егор Иванович дал

мне денег на расходы и фотографию Нади:

– Это их в школе снимали.

Ну, что сказать? Даже на этой не слишком профессионально сделанной фотке было видно, что Надя очень красивая девушка. Тонкие черты, глаза большие, лучистые, лицо одухотворенное...

– Не потеряй! – строго сказал Егор Иванович. – У меня здесь больше нету.

Напоследок я выдала ему купленный халат. Некогда было искать, и я схватила что есть. Халат был бордовый, тканый, с золотой ниткой по воротнику и обшлагам. К халату прилагался пояс с кистями.

– Колоритно! – восхитился дядя Вася. – Сюда бы еще туфли с загнутыми носами, и будешь ты, Егор Иваныч, как турецкий султан!

Петюня, увидев халат, восторженно взвизгнул.

Электричка в Зареченск шла полтора часа. За это время я успела прочитать журнал, съесть мороженое, выпить бутылку воды и поговорить с мрачным ребенком трех лет на предмет его имени, места жительства и рода занятий. Мама ребенка бездумно глядела в окно и участия в нашей беседе не принимала. Все же мне удалось выжать из нее сведения о местоположении Зареченской больницы. Идти недалеко, сказала она, минут пятнадцать.

Здание больницы было хоть и не новым, но явно постро-

ено меньше чем двадцать лет назад. Я приуныла – может, и архива никакого нету. Оставалась слабая надежда на то, что найдутся старые сотрудники.

Больницу окружал забор, у настежь распахнутых ворот была будка охранника, наподобие собачьей, но там никого не было. Немногочисленные люди сновали в ворота беспрепятственно.

Может, вы думаете, что я открыто вошла в здание, стала бродить по коридорам и требовать, чтобы меня провели к главврачу? А у него в кабинете честно задала вопрос о Надежде Сарафановой?

Угу, это только в американских фильмах герой может прийти куда угодно, хоть в Белый дом, хоть в Пентагон и спросить, что хочет. Ему тотчас ответят, и все материалы предоставят. А у нас и до нужного кабинета не дойдешь, с порога тебя выставят вон. То есть компетентным органам они, конечно, ответят. А простому человеку ни слова не скажут – не положено, и все! Больше вам скажу, если бы на моем месте был сейчас Леша Творогов и предъявил им тут свое удостоверение, и то бы ничего не получил. Только по специальному запросу.

А какие у них тут могут быть секреты? Но вот не положено – и все тут!

Так что я действую обычно по-другому.

Я обошла здание и нашла сбоку дверь с надписью «Родильное отделение». Дверь была открыта, я увидела длин-

ный коридор, старуха в синем сатиновом халате возила шваброй по серому линолеуму.

– Чего тебе? – Она поглядела сердито. Ходят, мол, топчут, только вымыла, а они опять прутся.

– Бабушка, а вы давно тут работаете? – Я осторожно приблизилась.

– Давно, – буркнула старуха.

– Ой, как хорошо! – обрадовалась я. – Так вы мне можете?

– Это с каких таких пряников? – удивилась старуха. – Я тебя первый раз вижу, с чего мне тебе помогать?

– Ясное дело – не за просто так, договоримся, – я сунула руку в карман и пошуршала там бумажками – старым чеком, трамвайными билетами и просроченным буклетом на скидку в хозяйственном магазине: в кармане вечно копится какая-то бумажная дрянь.

Бабка мой жест поняла, она разогнулась и облокотилась на швабру.

– Чего надо? – деловито спросила она.

– Надо найти документы одной женщины, которая рожала здесь двадцать лет назад... И ее саму вспомнить.

– Двадцать лет? – поскущела старуха. – Двадцать лет назад я не то что в этой больнице, я и в городке-то этом не жила! Жила под Владимиром, дом был большой, от родителей еще остался, сад, в саду вишни... Весной во двор выйдешь – деревья как молоком облиты, пчелы жужжат – рай земной,

да и только! А сын женился, да и осел в этих местах. И все пишет мне: мама, приезжай, у нас квартира трехкомнатная, все удобства, будешь в старости на покое жить... Ну, продала я дом, приехала, деньги сыну отдала, он машину купил. Квартирка хоть и трехкомнатная, но маленькая, одна комната проходная, детей двое... Ну, разместились кое-как. А после сын ехал как-то на машине ночью в дождь, да и разбился насмерть.

– Ой! – вскрикнула я.

– Что делать? Дома нет, денег нет, невестка совсем голову потеряла, детям сколько всего нужно. Вот, устроилась сюда санитаркой, хоть накормят... Невестка-то ко мне хорошо относится, мама, говорит, только не уезжайте, куда я одна с двумя-то? А куда я денусь? Так что прости, девонька, ничем тебе помочь не могу.

– И где же мне искать сведения? – задумалась я. – Кто здесь в больнице вспомнит Надежду Сарафанову?

– Так тебе Надька Сарафанова нужна? – обрадовалась старуха. – Так бы сразу и говорила! Этой беде я помогу, Надежду знаю. Значит, сейчас выйдешь и пойдешь все прямо, потом свернешь налево у магазина. Там еще будет дом недостроенный, так тебе туда не надо, ты в следующий проход иди, а там третий дом от угла, с флюгером, это и будет Сарафановых дом!

Я немного обалдела – значит, Надежда Сарафанова жива? Может, не та Надежда? Или та, утонувшая двадцать лет на-

зад, была вовсе не Надеждой Сарафановой? В любом случае надо идти и поговорить.

– Нет-нет! – Старуха замахала руками. – Не надо мне денег, я ничего не сделала!

– Ну, хоть шоколадку возьмите, чаю попьете!

– Это – ладно, – согласилась старуха, – за твое здоровье.

Я вышла во двор. Погода стояла отличная, майское солнце грело, как в разгаре лета, на клумбе перед главным входом ровными рядами алели тюльпаны.

Вдруг из-за одноэтажной пристройки вынырнул кривоногий человек неопределенного возраста, в выцветшем ватнике и кирзовых сапогах. Он замахал руками, чтобы привлечь мое внимание. Я сделала к нему несколько шагов и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.